

Боги хранят
проклятых

КОЛДОВСКАЯ МЕТКА

ДЭН
ПАТРИК

Дэн Патрик

Колдовская метка

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39867392
Колдовская метка / Дэн Патрик: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-107173-8

Аннотация

Драконы давно уничтожены, как и опасная магия. За континентом Винтерквельд неусыпно бдят Зоркие. Все дети обязаны пройти Испытание.

В отдаленном северном городке живут брат с сестрой. Стейнер занят кузнечным делом, Хьелльрунн помогает по хозяйству. Но все меняется, когда Зоркие обнаруживают на одном из них отголосок магии...

Что, если Зоркие заберут не того?

Приготовьтесь к мрачному и захватывающему приключению, где каждый скрывает под маской свой секрет.

Содержание

1	5
2	20
3	33
4	47
5	61
6	71
7	84
8	99
9	110
10	123
11	134
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Дэн Патрик

Колдовская метка

Посвящается Кевину

1

Стейнер

«Последние десятилетия Святейший Синод истово вытравлял всякую память о богинях Фрёйе и Фрейне. И только Обожжённые республики ревностно держались за пережитки прошлого. Но вера Синода крепка: когда Винтерквельд покорится, старые боги обратятся в прах».

Из полевых заметок иерарха Хигира, Зоркого при Имперском Синоде

Горн ярко пылал в темноте. Оранжевые отсветы мерцали на старом дереве кузницы; на железных крюках блестели инструменты. Стейнеру здесь нравилось: пахло раскалённым металлом и угольной пылью; сладко ныли натруженные мышцы; заготовки нетерпеливо ожидали своей очереди, а законченные – наполняли радостью. На стенах красовались его творения: небольшие ножи, кастрюли и сковороды, молотки и косы. Коллекцию дополнял чудной серп.

Наковальня пела, пока Стейнер опускал молот на раскалённый добела металл. Пот заливал глаза, струился по спине. Кузнеца переполнял восторг – наслаждение от созидания, ликование творца.

– Ну, довольно, – велел отец. – Ты, кажется, задумал меч. Имперцам такое не по вкусу.

– Позволь закончить, – с усмешкой попросил Стейнер. – Обещаю после расплавить.

Задор сына передался Мареку, и он невольно улыбнулся.

– Здорово же меч способен ударить в голову...

– Не обязательно бить по голове, – пожав плечами, хмыкнул Стейнер.

– Я про владение мечом, болван, – фыркнул в ответ отец. – Это даёт уверенность и превосходство.

Одобрения в его голосе не слышалось.

– Откуда в Циндерфеле взяться превосходству и уверенности? – удивился Стейнер. Упоение работой постепенно угасало, не помогал даже обжигающий жар кузни.

– Ниоткуда. Поэтому я сюда и переехал. – Марек размял могучие плечи и потёр обезображенную шрамами руку ладонью, на которой рубцов было не меньше. – Всё, довольно на сегодня.

Они вышли в серый сумрак. Циндерфел всегда хмурился. Отголоски войны с драконами – так говорили имперцы: чудовищные твари на долгие годы обожгли небо над континентом.

– Вечно эти тучи, – возмутился Стейнер, ёжась на холодном ветру.

– На юге всё иначе, – заметил Марек. – В Шанисронде солнце редко прячется.

– Скажи ещё, что драконы до сих пор существуют, – усмехнулся молодой кузнец.

Отец покачал головой.

– Уж об этом Империя позаботилась. Попадись к ним в лапы...

– ...живым не уйдёшь, – закончил Стейнер, потирая челюсть.

Мозолистые пальцы всё ещё с непривычкой трогали щетину. Мягкий подростковый пушок сменился жёсткой растительностью.

– Так давай купим повозку, соберём пожитки и махнём в Шанисронд.

Следом за отцом он обвёл взглядом городок, что приютился у подножия крутого склона на побережье. Крохотные окна домишек закрывали тяжёлые ставни, пропитанные солью; на соломенных крышах зеленели пятна мха. Угрюмый край – царство свирепой природы.

– Не очень-то дружелюбное местечко, – признал Марек.

– Так давай уедем.

Боль судорогой исказила лицо отца, и Стейнер тут же пожалел о своих словах. Они молча постояли под низким серым небом. Марек смотрел на беспокойное море – то ли искал что-то среди волн, набегающих на каменный пирс, то ли молил их о чём-то.

– Ты всё ещё её ждёшь?

Отец кивнул, хотел заговорить, но раздумал и вернулся в кузницу.

– Мы делали серп на прошлой неделе, ты его продал? –

спросил Стейнер, чтобы увести тему от потерянной жены и утраченной матери.

Марек молча кивнул головой. Стейнер привык, что отец скуп на слова.

– Не лучшая пора для сбора трав. Кто покупатель?

– Один рыбак, – прочистив горло, ответил Марек. – Уже не припомню.

Стейнер нахмурился и стянул толстые кожаные перчатки. В таком маленьком городке покупателей знали по именам. Продать серп – дело непростое, но прибыльное, а деньги им нужны. Юноша приготовился выпытывать правду, но тут брякнула щеколда, и отец кивнул на дверь.

– Хотел бы я знать, где на этот раз гуляла Хьелль, – пробормотал Марек.

Тяжёлая деревянная дверь скрипнула, в кузницу проскользнула Хьелльрунн и сразу приблизилась к пылающему горну. В свои шестнадцать она выглядела не старше двенадцати – до того была маленькой и хрупкой. Не по размеру большая кофта болталась у колен, а на штанах, которые достались от Стейнера, не осталось живого места от заплат. Все деньги уходили на еду и кузницу, и на одежду уже хватало с трудом.

– Хоть бы причесалась перед школой, – пожурил отец, слабо улыбаясь.

– Вылитая русалка, – хмыкнул Стейнер, заметив в руках сестры ветки и чёрные перья – наверняка сокровища с пля-

жа.

– Ты же не веришь в эти сказки, – напомнила Хьелльрунн. Стейнер пожал плечами.

– Ну и что? Всё равно похожа.

– Не русалок надо бояться, – промолвила Хьелльрунн. – В гавань зашёл корабль.

– Мы только что с улицы, – изумился Стейнер.

– Сами гляньте, если мне не верите. – Хьелльрунн упрямо вздернула подбородок.

– Если ты не против, я бы лучше занялся обедом, – ответил отец, не глядя детям в глаза. – Раз корабль – значит, имперцы.

– И Тройка Зорких, – добавил Стейнер, ощутив знакомый страх, какой всегда вызывал Святейший Синод.

– Не думаю. – Хьелль по очереди посмотрела на отца и брата. – Не в этот раз. Сами увидите.

* * *

– Поспорила с дядей Вернером, что заманишь нас к заливу? – поинтересовался Стейнер, вышагивая по наезженной дороге к побережью.

– Я дядю сто лет не видела, – возразила Хьелльрунн, не отрывая взгляда от серо-голубого зыбкого моря.

Дождливая мгла давила на плечи, но любопытство разгоралось всё сильнее.

– Вон он, – указал Марек.

По большей части в гавань Циндерфела заходили рыбацкие лодки – купцы не жаловали это место. Лишь жестокие бури Холодеющего океана вынуждали капитанов искать прибежище в сонном городишке.

– Корабль, – удивился Стейнер. – И, кажется, фрегат. Не понятно только, зачем его выкрасили красным.

– Ты прав, – согласился отец. – Это фрегат, но подобных я прежде не видел.

Минуя дома, они прошли извилистыми улочками и по узкой мощёной дороге спустились на побережье. С приглушённым рёвом Призрачное море набегало на галечный пляж и, отступая, оставляло пену и водоросли. Стейнер с интересом разглядывал изящный корабль – он стоял на якоре, сложив паруса, будто крылья. Издали матросы на палубе казались неугомонными муравьями. Всё судно от носа до кормы было бордовым, лишь грозно выделялась чёрная носовая фигура, раскинувшая крылья по бортам.

– Что это? – удивился Стейнер.

– Ворон, – объяснила Хьелльрунн. – Видимо, в честь Се или Вентера.

Стейнер нахмурился.

– Снова твои сказочки?

– Се и Вентер – вороны Фрейны.

– Значит, корабль не имперский, – решил Марек.

– Старые боги у них не в почёте, – добавил Стейнер.

– Богини. Не боги. Фрейна – *богиня*. – Хьелльрунн закатила глаза. – Покровительница зимы, мудрости и смерти.

Народ высыпал из домов и лавок, чтобы поглазеть на багровый корабль. Родители крепко прижимали детей и обменивались тревожными взглядами.

– Все имперские корабли сейчас должны быть на юге, – вспомнил Марек. – Терзают Шанисронд и сопровождают торговые суда в Пепельный залив.

– Наверное, пираты, – с улыбкой сказал Стейнер, чтобы подразнить сестру.

Хьелльрунн оглядела город и поморщилась.

– Интересно, сколько они дадут за глупого недоучку-кузнеца?

– Раз не умею читать – сразу глупый? – прорычал юноша сквозь зубы.

– Больно тихие для пиратов, – заметил отец. – Думаю, просто решили подлатать судно, – добавил он и, развернувшись, пошёл вверх по склону.

– Ну и кто же это тогда? – спросил Стейнер вдогонку. Долго ещё среди жителей не утихнут разговоры о фрегате.

– Не знаю. – Марек нахмурился и откашлялся.

Хьелльрунн остановилась и оглянулась. Она смотрела отчётливо, будто видела нечто, недоступное глазам брата. С таким взглядом она возвращалась из лесов и говорила о старых преданиях.

– Быть беде, – заявила девушка. – Добром это не кончится.

Слова звучали холодно и безжизненно, словно вторили небу над головой. Хьелль обернулась к Стейнеру, и он с трудом подавил дрожь. Было в его сестре что-то странное, чему не подберёшь названия, и он боялся, что правда очень скоро откроется.

* * *

– Эй, Стейнер! Привет! – Кристофин стояла на пороге таверны и озорно улыбалась, скрестив на груди руки.

Она была ровесницей молодого кузнеца, училась лучше всех и никогда не грубила старшим, правда уже два года как окончила школу.

Тусклый день выцветал, и на побережье опустилась тишина, будто все четыре ветра выжидающе затаили дыхание.

– Привет, – отозвался Стейнер. – Работаешь?

– Как обычно. Расплачиваюсь за то, что родилась в семье трактирщика.

– Дядя здесь?

Кристофин кивнула.

– А ты только ради него заглянул?

– Никогда не знаешь, с кем столкнёшься в таком месте, – пожал плечами юноша.

Они обменялись улыбками, и Стейнер задумался, о чём ещё заговорить. Некоторое время дочь трактирщика разглядывала его, но вскоре отвела взгляд.

– Что тебя выманило на улицу в такой холод?

Кристофин кивнула в сторону гавани, где горели огни корабля, будто звёзды рассыпались в море.

– Наш новый приятель, хотя его, конечно, уже не видно.

– Какие новости? – спросил Стейнер.

– Хуже не придумаешь, – ответила девушка. – На берег высадились десятка два солдат. Заняли в «Тлеющем Знамени» все комнаты.

– Имперцы?

– Наверняка Синод, – предположила Кристофин. – Припозднились они в этом году.

– Значит, Испытание, – понял Стейнер, думая о сестре. В этом году ей предстояло пройти ритуал в последний раз, но мысль не утешала. – Впустишь? Или мне замёрзнуть насмерть? – Юноша через силу улыбнулся.

– А если вход платный? Скажем, один поцелуй? – Кристофин склонила голову к плечу.

И откуда вдруг такой игривый тон? Конечно, молодой кузнец на неё заглядывался. Как и весь Циндерфел.

– Больше у меня ничего и нет, – ответил Стейнер.

– А пиво? Чем за него платить собираешься?

Юноша побренчал мелочью в кармане.

– А может, и есть.

Кристофин спиной толкнула дверь, и Стейнер ощутил укол разочарования – видимо, поцелую всё-таки не быть.

В таверну набилось полно разномастного народу от ста-

рых морских волков до розовощёких юнцов. С потолочных балок свисали яркие лампы, а нос приятно щекотала смесь пивного духа и застарелого табачного дыма.

– Он там, – указала Кристофин.

Они протолкнулись через плотную толпу моряков в дальний угол, где в уединении сидел дядя Вернер.

– Привет тебе, юный Стейнер!

Закинув ноги в тяжёлых ботинках на стол, Вернер чистил ногти коротким ножом. Это был светловолосый человек с лицом, глубоко побитым ветрами и дождём, и остриженной бородой не в пример большинству мужчин в Циндерфеле.

– С возвращением, бродяга, – ответил Стейнер.

– Садись. Или падай на стул. Выглядишь неважно. Марек тебя не кормит?

– Денег нет, на еду едва хватает. Ну, ты знаешь.

Вернер поднялся и неуклюже приобнял юношу.

– Кристофин, пива моему племяннику и тарелку рагу с хлебом. На эти кости не помешает нарастить немного мяса.

Девушка приостановилась и оглядела молодого кузнеца с ног до головы.

– Это точно.

Она растворилась в толпе, но Стейнер упрямо искал её взглядом.

– Вот так Фрёйины штучки! – воскликнул Вернер. – Меня не было всего неделю, а ты успел охмурить Кристофин. Я не осуждаю, не подумай.

– Тише ты! Я пока не предложил ей встречаться, – шикнул Стейнер и подался вперёд. – Мы скучали. Я скучал. Где ты был?

– А, да так. – Вернер отпил из кружки. – Ничего интересного. Вozил копчёную рыбу в Хельвик.

– Хельвик? Местный рынок уже не годится?

Вернер только улыбнулся. Расспросить подробнее его племянник не успел – подошла Кристофин с выдавшим видо деревянным подносом и такой же потрёпанной пивной кружкой.

– Спасибо, – поблагодарил Стейнер.

– Скоро принесу рагу, – обещала подавальщица и вновь затерялась среди посетителей.

– Вид у тебя, будто плечами весь мир подпираешь, – заметил Вернер.

– Волнуюсь за Хьелльрунн, вот и всё. Со дня на день пройдёт Испытание. Никаким колдовством она, конечно, не владеет, но вечно болтает о богинях и знаках... Людям становится не по себе. – Стейнер уставился в кружку. – И мне тоже.

– Хоть бы на год оставили нас в покое, – почти прорычал дядя. – Нордвласт – не часть Империи.

– Можно подумать, это им когда-то мешало.

Синод обшаривал все города и деревни на континенте Винтерквельд и даже соседние Обожжённые республики: Свингеттевей, Ваннеронд, Дракефьёрд и Нордвласт – все

они смирились с этим, но отказались отдавать своих детей воинственной Империи.

– Зачем мы их пустили? – недоумевал Стейнер. – Почему год за годом позволяем отбирать наших детей? Почему до сих пор не взбунтовались? Пусть Марек дальше уклоняется от разговора, а я уже взрослый и хочу честных ответов.

– Честных ответов, значит? – пробормотал Вернер. – Обожжённые республики не входят в состав Империи, и такова цена, чтобы сохранить независимость. Никто из нас не выстоит дольше пары месяцев против вторжения имперцев.

В очаге плясало пламя, и, глядя на него, они потягивали пиво и воображали ужасы войны, разграбленные города и деревни. Мысли Стейнера вернулись к сестре.

– До чего же она... странная – все эти амулеты из веточек и вороньи перья. Вылитая ведьма, а ведь я её брат.

– Брат не называет сестру во весь голос «ведьмой».

– Прости. – Парень огляделся, но рыбаки и местные жители большей частью говорили о своём.

– Всё будет хорошо, – пообещал Вернер, и Стейнеру хотелось верить в это.

– Уже пару десятилетий здесь не встречалось колдовских меток.

Не успел молодой кузнец закончить фразу, как тут же вспомнил сестру, девочку с копной нечёсанных волос и отстранённым взглядом. С какой тоской она смотрела на красный корабль. Жуткое чувство, что Хьелль провалит Испыта-

ние, впилося в Стейнера ледяными пальцами. Зоркие станут вынюхивать, объявят, что она осквернена драконьей силой, и больше они её не увидят.

– Одно и то же каждый год, – заметил дядя. – Циндерфел – последняя остановка на пути Синода во Владибогдан.

– Владибогдан? – нахмурился племянник. – Где это?

– О, Фрейна! – Вернер крепко зажмурился и вздохнул. – Об этом помалкивай. Хотя ты и так не из болтливых.

Он придвинулся ближе и огляделся, проверяя, чтобы никто не подслушивал.

– Остров Владибогдан лежит в двадцати милях к северо-западу от Нордвласта.

– Первый раз слышу, – тихо прошептал Стейнер, подавшись вперёд.

– Ещё бы. Этот крупнейший из Северных островов является грязной тайной имперцев. Туда забирают детей с колдовским знаком и очищают их. – Лицо Вернера исказилось муками, и юноше почудился влажный блеск в уголках дядиных глаз.

Стейнер прекрасно знал, что означала «чистка». На Винтерквельде ненавидели отмеченных колдовским знаком людей и избавлялись от них, хотя никто точно не знал как. Одни утверждали, что им отрубали головы, другие – что сжигали.

– Откуда же тебе известно об этом тайном острове? – шёпотом спросил Стейнер.

– Я рыбак, – ответил Вернер, избегая смотреть племянни-

ку в глаза. – Порой мы заходим слишком далеко в море.

– На двадцать миль?

Дядя выдавил улыбку.

– Может, я участвовал в набегах на имперские корабли?

Может, я был пиратом? – Он осушил кружку и, поднявшись, взял плащ.

– Значит, детей забирают на Владибогдан? – допытывался

Стейнер, но Вернер приложил палец к губам.

– У меня дела.

– Ночью?

– Так точно. Дурная голова ногам покоя не даёт, знаешь ли. Береги сестру. Увидимся завтра.

Моряк пересёк комнату, на ходу пожимая руки и похлопывая знакомых по спинам, и исчез.

– Выглядишь так, будто потерял топор, а нашёл нож, – заметила Кристофин.

– Не уверен, что нашёл.

Девушка выставила на стол две миски с рагу и плоску с хлебом, а затем, к удивлению Стейнера, села и принялась есть.

– Я ненадолго, – заверила она. – Умираю от голода, а тебе, кажется, не помешает сотрапезник.

Юноша рассмеялся.

– Сотрапезник? Будто с торговцем говоришь.

– Ты ведь кузнец.

Стейнер улыбнулся и придвинул миску.

– Что с Вернером? Он сегодня на себя не похож.

– Наверное, волнуется за Хьелльрунн, – ответила Кристофин. – Они ведь близки.

– Она вечно выпрашивает у него истории про Фрёйу и Фрёйну, таинственных воронов и древние войны. Детские сказочки. Не скажешь, что ей уже шестнадцать.

– Не скажешь, – согласилась дочь трактирщика. – Приглядывай за ней, пока корабль не ушёл, ладно?

Стейнер кивнул, удивлённый, как серьёзно прозвучал голос Кристофин.

– Вообще-то я пришла не для того, чтобы о твоей сестре говорить.

– О чём же тогда? – Он вынырнул из собственных мыслей и теперь барахтался на поверхности беседы.

– А ты не часто болтаешь с девушками, да? – заметила Кристофин.

– Я вообще не часто разговариваю с людьми. Моя компания – это молот и наковальня.

– Может, немного медовухи развяжет тебе язык?

Стейнер взглядом проследил, как она шла по таверне, охваченный восторгом и смущением. День выдался занимательный. Похоже, вечер получится не хуже.

Хьелльрунн

«Соглашение с Обожжёнными республиками дало Сольминдренской империи право проводить Испытание по всему Винтерквельду. Нелегко отнимать детей у родителей, но всякий ребёнок опасен. В такие времена велика угроза восстания, и сила Зоркого – в большом войске. Всякое сопротивление должно безжалостно подавляться, а жестокость встречаться беспощадностью». Из полевых заметок иерарха Хигира, Зоркого при Имперском Синоде

Хьелльрунн ненавидела кухню. Низкий потолок давил; печь не справлялась, отчего дым стоял завесой; а громоздкий стол занимал полкомнаты. Хьелль устала постоянно обходить огромный деревянный стол. Сколько бы еды на него поместилось, да только выставить нечего – такая вот горькая ирония. Хьелльрунн только и ждала, когда наступит лето, чтобы часами бродить среди лесов в тишине и одиночестве.

Стейнер зачерпнул деревянной ложкой солидную порцию овсянки и плюхнул кашу в миску. Тихонько напевая под нос, он обошёл стол, взял добавку и принялся есть, не обращая внимания на сестру. Марек уже возился в кузнице с какой-то заготовкой.

– Ты улыбаешься, – заметила Хьелльрунн, сама не при-
трагиваясь к еде. – Первый раз вижу.

Ложка замерла на полпути. Стейнер поднял голову и удив-
лённо вскинул брови.

– Что?

– И напеваешь. Ты же не любишь музыку.

– Люблю, просто не умею петь. Это ты у нас одарённая –
вечно мурлычешь песенки и всякую допотопную чушь.

– Ты ненавидишь музыку, – повторила Хьелль и сама по-
няла, до чего жалко это прозвучало.

Стейнер пожал плечами и снова занялся кашей.

После короткого молчания Хьелль тоже принялась за еду.

– Давай сегодня обойдемся без песен, Хьелльрунн, – по-
просил брат. – В городе имперцы, а может, даже Зоркий. А
древних богов они недолюбливают...

– *Богинь.*

– Хорошо, богинь. – Стейнер возвёл глаза к потолку. –
Пой лучше в лесу, ладно? И расчешись уже – не голова, а
гнездо. Ты что, бродяжка?

Хьелльрунн вскинула руку и, спрятав большой палец, об-
ратила ладонь тыльной стороной к брату. В прежние време-
на знаком четырёх стихий желали удачи, теперь же – кое-че-
го другого.

– И не вздумай так махать руками на людях, если не хо-
чешь в назидание лишиться пальцев – солдаты скоры на рас-
праву.

Хьелльрунн вскочила. Внутри всё кипело, как в океанском шторме, а в груди колючим клубком свернулась обида.

– Как можно веселиться, когда вокруг рыскают имперцы и этот Зоркий? Чему ты радуешься, зная, что твоя сестра – ведьма?

Стейнер выронил ложку и вытаращил глаза. В угасающем осеннем свете его лицо казалось совсем бледным.

– Хьелль...

– Прости, – выдохнула она едва различимо за треском очага. – Это неправда. Я не колдунья.

Брат резко потёр лоб, взял ложку, но тут же снова положил – аппетит пропал.

– Я радовался, потому что вчера Кристофин заговорила со мной, и мы отлично провели время. Нравлюсь я ей или нет – не знаю, и не пойму, что делать дальше, но всё равно... – Он задумался, подыскивая слова, но в конце концов просто пожал плечами. – Было весело. А в Циндерфеле с этим туго.

– О, – с трудом выдавила Хьелльрунн.

Повисла гулкая тишина, и кухня вдруг показалась чудовищно громадной.

– Пойду помогу отцу, – сказал Стейнер, поднимаясь. И, пряча взгляд, вышел.

Мыть посуду несложно, а вот подметать при таком здоровенном столе – настоящая пытка. Девушка не хотела выходить из дома и тянула время, но лавки не станут ждать целый день. Она прошла в кузницу и встала, опустив голову.

Здесь было ещё хуже, чем на кухне, – вечный мрак, жара, запах гари и пота.

– Нужно купить еду, – попросила Хьелль, когда Марек оторвался от работы.

Стейнер затачивал серп и лишь бросил на сестру мимо-лётный взгляд. Ей почудилась раздражённая складка между бровей. Однако он сразу отвернулся и вновь занялся лезви-ем.

– Торговля идёт плохо, и денег на мясо нет, – отозвался Марек. – Разве что на дешёвое.

Хьелльрунн кивнула, и ей в руку легла скудная горстка монет.

– Прости, – неловко пробормотал Марек. Он бесконечно стыдился, что не в силах накормить своих детей досыта.

– Ей не следует идти одной, – тихо заметил Стейнер. – Тут имперцы – мало ли.

Отец явно собирался возразить, но раздумал и, кивнув, вернулся к работе.

Брат с сестрой проскользнули в приоткрытые двери куз-ницы, и Хьелльрунн решилась заговорить.

– Извини за утро. Я не против твоих улыбок, просто сего-дня я сама не своя.

Стейнер приобнял сестру за плечи, притянул к себе и, за-рывшись лицом в спутанную копну волос, поцеловал в ма-кушку.

– А чья же? Уж не моя ли?

– Я не то хотела сказать.

– Такая уж мне досталась сестра – сложная, угрюмая, нечёсаная и славная. Другой и не надо.

Хьелль невольно улыбнулась.

– Я извиняюсь, а ты говоришь «сложная и угрюмая»?

– А что надо сделать? – усмехнулся Стейнер, объятия теперь больше походили на стальной захват.

– Отпустить меня, дубина. Я, может, и нечёсаная, а ты – немытый.

Они шли петляющими мощёными улицами мимо приземистых домов и почти не встречали людей – немногие набивались храбрости выйти за порог.

– Тихо сегодня, – заметил Стейнер. – Все попрятались из-за этих солдат.

– Я дальше не пойду, – испугалась Хьелльрунн, чувствуя, что во рту пересохло, а к горлу подкатывает тошнота.

– Нельзя уступать их власти, Хьелль. Это Нордвласт – здесь сердце могучего севера! И как мы можем говорить про нашу силу, если трусим купить еду в собственном городе?

– Я боюсь вовсе не солдат, а Зорких.

– Без колдовской метки страшиться нечего, – возразил Стейнер, но Хьелльрунн уже наслушалась этого вдоволь. Недалёкие и заурядные жители Циндерфела любили бездумно повторять избитую фразу.

Стейнер замедлил шаг и украдкой взглянул на сестру.

– Утром ты сказала...

– Я просто разозлилась. Ничего колдовского во мне нет. Зорких я боюсь вовсе не из-за метки. Нетрудно догадаться, что эти дряхлые старики делают с девушками моего возраста.

Стейнер вздрогнул. Она отлично знала, что брат до сих пор воспринимал её, как десяти-одиннадцатилетнюю девочку. В свои шестнадцать в её теле пока не случились естественные для ровесниц перемены, и она чувствовала, будто застряла в детстве.

– Сходи-ка к Хокону, купи баранью шею или говяжью голень, – велел парень, пожимая плечами. – Не знаю, что из этого будет дешевле.

Он высыпал сестре в ладонь пару монет и приложил палец к губам – дескать, Мареку ни слова.

Вся лавка помещалась в одной комнате, заставленной чёрными столами вдоль трёх стен. Входную дверь украшала деревянная решётка с мутными бугристыми стёклами, сквозь которую на мясо падал тусклый дневной свет. В глубине камеры горели две лампы, разгоняя сумрак.

Хьелльрунн сказала, за чем пришла, и стойко выдержала кислый взгляд мясника – крупного, грузного мужчины, лысого, но с бородой такой длинной, что в ней легко перезимовала бы парочка зверей. Маленькие глазки прятались под тяжело нависающими бровями, что придавало ему вечно угрюмый вид.

Мясник назвал цену, и Хьелльрунн замешкалась, пере-

считывая монеты.

– Раньше голень стоила дешевле, – не подумав, выпалила она.

Хокон пожал плечами, вытер жирные ладони о фартук и скрестил руки на груди.

– Нельзя ли немного снизить цену?

– Всем хочется есть, – ответил мясник.

– Почему так долго, Хьелль? – В лавку проскользнул Стейнер. Для такого здоровяка двигался он бесшумно и часто заставлял Хьелльрунн врасплох.

– Я... – Взгляд девушки метнулся от брата к мяснику и монетам в ладони.

– Не сошлись в цене? – догадался Стейнер с ноткой угрозы в голосе.

– Жёнушка твоя, а? – поинтересовался Хокон. – Или девицу завёл?

– Нет, – отрезал молодой кузнец. – Сестра.

Мясник натянул улыбку, сальную, как и его передник, и раскинул руки.

– Что же ты молчала, малышка?

Вздохнув, Хьелльрунн посмотрела на брата.

– Вы же знаете, кто я, – заметила она. – И всё норовите меня обмануть.

– Значит, такое происходит не впервые? – Стейнер впился в мясника острым и тяжёлым, как гранит, взглядом.

– Да я же просто дурачусь, – оправдывался Хокон. – А

девчонка всё воспринимает всерьёз.

— Когда в следующий раз придёте в кузницу, мы обязательно подурачимся вместе, — отчеканила Хьелльрунн.

Она схватила свёрток, грохнула о прилавок горстку монет и вылетела из полутёмной лавки.

— Я же не со зла, — оправдывался Хокон.

— Само собой. — Тон Стейнера ясно давал понять обратное.

Лицо мясника окаменело, а глаза остановились на Хьелльрунн, которая ждала брата снаружи.

— Берегись, кузнец, — хрипло прошептал Хокон, перегнувшись через прилавок. — Неладно с ней что-то: вечно рыщет по лесам, собирает травы, вороньи перья, грибы. Сестра или нет, но она точно не в себе.

Хьелльрунн услышала и оцепенела от страха. Она торопливо оглядела прохожих, но люди не желали ввязываться в неприятности и поспешно, не поднимая глаз, пробегали мимо. Кажется, никто не обратил внимания на злые слова мясника. Вскоре появился раскрасневшийся Стейнер. Стиснув зубы, он яростно сжимал кулаки.

— Прости, — виновато пролепетала Хьелльрунн.

— Ты ни в чём не виновата, — заверил брат, но ей с ужасом показалось, что думает он иначе.

— С ним всегда так — вечно не ладится.

Стейнер ничего не сказал, лишь резко кивнул. Они зашагали вниз по улице, и Хьелльрунн с трудом попевала за бра-

том, то и дело поскальзываясь на серой слякоти, покрывшей мостовую.

– Глянь-ка! А вон и Кристофин. – Возле булочной Хьелль заметила дочь трактирщика, занятую разговором с какой-то женщиной.

Стейнер поднял голову и удивлённо наморщил лоб.

– А это ещё кто?

Собеседница Кристофин выглядела диковинно для здешних мест и, судя по насмешливой улыбке, знала об этом. Циндерфел привык к редким гостям с Шанисронда, но незнакомка разительно отличалась от них, и не только цветом кожи. Она была светлее темнокожих моряков с Дос-Фесха, а разрезом глаз напоминала жителей Дос-Кара. Угольно-чёрные волосы чужестранки струились до талии, и с первого взгляда трудно было угадать её возраст. Она носила жилет из оленьей кожи и такие же сапоги до колен, а рукава рубашки закатывала до локтя, выставляя напоказ браслеты – медные с прозеленью, блестящие гагатовые или матовые из слоновой кости. У бедра висела сабля – и не просто красивая безделушка, если верить шрамам на предплечьях.

– Привет! – поздоровался Стейнер чуточку неуверенно.

Кристофин усмехнулась, а незнакомка иронично сморщила нос.

– Я не кусаюсь. Просто спрашивала у твоей подруги, нет ли свободных комнат на ночь.

– Простите моего брата, – вмешалась Хьелльрунн. – Неза-

урядные женщины его пугают.

Кристофин и чужестранка расхохотались, и Хьелль, не удержавшись, присоединилась к их веселью. Стейнер озадаченно почесал затылок.

– Столкнулись неожиданно, вот я и удивился – всего лишь, – пробурчал он и отвёл взгляд.

– Как дела, Хьелль? – поинтересовалась дочь трактирщика. – Были у Хокона? Не забудь помыть мясо. Кто знает, где побывали эти лапы.

Стейнер скорчил гримасу.

– Большое спасибо. Теперь неделю есть не смогу.

– Этот человек – свинья, – нахмурилась Хьелльрунн. – Огромная грязная свинья. Свинья, которая управляет мясной лавкой – до чего иронично.

Стейнер и Кристофин нахмурились, а незнакомка протянула руку.

– Меня зовут Ромола. И мне нравится ход твоих мыслей – как у поэта или безумца.

– Э, спасибо, – пробормотала Хьелль. – Вот только не уверена, что хочу быть чокнутой.

Черноволосая чужестранка надула губы:

– В этом странном мире безумие – не худший выбор, как думаешь?

Хьелльрунн не поняла, что имела в виду Ромола, но принялась жадно изучать новую знакомую.

– Вы – пират? – спросила девушка.

– Хьелль! – возмущённо гаркнул Стейнер. – Простите мою сестру, она... Э... ну...

– Иногда, – ответила Ромола.

– Что «иногда»? – не понял юноша.

– Иногда пират. – Необычная женщина с улыбкой посмотрела на Кристофин. – Но не сегодня. И не теперь.

«Я была права», – губами прошептала Хьелльрунн брату и радостно ухмыльнулась.

Стейнера разобрал смех, и он поспешно прикрылся кашлем.

– Не хотите зайти? – предложила дочь трактирщика. – Я собиралась проводить Ромолу в таверну, заодно и вас покормлю.

Хьелльрунн заметила, как Кристофин смотрит на Стейнера, и в ней опасным вихрем взметнулось незнакомое чувство.

– Мне пора, – проямлила она. – Папа заждался.

Последняя фраза предназначалась брату, но он широко улыбался Кристофин и ничего не заметил.

– Рада знакомству, – сказала Ромола. – Береги себя.

Хьелльрунн кивнула и побрела прочь, отчего-то злясь на Кристофин.

– Передай отцу, что я скоро приду, – попросил Стейнер вслед сестре, но она лишь ниже склонила голову, притворившись глухой.

– До чего пустоголовый... Бросил меня одну посреди го-

рода, – бормотала Хьелль под нос. – Раз так, то и мне до него дела нет. И до всяких «отставных» пиратов. Ну и пусть «чокнутой» называют.

Прохожий искоса поглядел на неё и перешёл на другую сторону улицы.

– И мне уж точно нет никакого дела, как Кристофин смотрит на Стейнера. Интересно, что между ними происходит?

* * *

Стейнер явился только под вечер, и Марек ничем его не упрекнул. После ужина, когда Хьелльрунн хлопотала на кухне, дверной засов скрипнул, и в комнату протиснулся брат. Держался на ногах он нетвёрдо.

– Ты что, призрака по дороге встретил? – Хьелльрунн сидела за столом в ночной рубашке, обняв ладонями кружку с горячим молоком.

– Не призрака, а пирата. Оказывается, Ромола – неплохой сказитель. Я узнал от неё жутковатую историю.

– Про что?

– Про Горекрыла и маму Кару.

– И вовсе она не страшная. Разве что чуточку.

– Наверное, дело в рассказчике, – тихо заметил Стейнер.

– Что ещё она говорила? – Глаза сестры сияли любопытством.

– Только, что в городе имперские солдаты, и завтра состо-

ится Испытание.

Хьелльрунн резко выпрямилась и уткнулась взглядом в кружку.

– Ненавижу это, – выдавила она.

– И я, – вздохнул Стейнер.

Девушка вспомнила, как проходила Испытания и как потели ладони, а живот скручивало тугим узлом. Она вспомнила свой страх, что Синод найдёт в ней драконью скверну и навсегда разлучит с домом.

– Это в последний раз, – пообещал Стейнер. – Всё будет хорошо, Хьелль.

Она молчала, пытаясь побороть дрожь.

– Двадцать лет в Циндерфеле не встречалось колдовских меток, – успокаивал брат. – До сих пор всё проходило хорошо, и в этом году ничего не изменится.

– Надеюсь, ты прав, – ответила Хьелль, кривя губы в тревоге.

– Хьелль, может, отчего-то... Ты сомневаешься, что пройдёшь Испытание в этом году? Если хочешь что-то сказать...

– Нечего говорить! – Она вскочила, сердито протопала к лестнице и поднялась наверх, ни разу не оглянувшись.

– Спокойной ночи, – пожелал Стейнер вдогонку, хотя вряд ли стоит ожидать спокойствия.

3

Стейнер

«Имперские ученые полагают, что появление колдовства никак не связано с прежними драконьими мастерами, но для Святейшего Синода это – вопрос веры. Мы знаем: проклятие сработало дважды – когда пепел и дым заволокли небеса, в детях проснулась невиданная сила. Иных объяснений непостижимому нет».

Из полевых заметок иерарха Хигура, Зоркого при Имперском Синоде

Стейнер стоял на крыльце и наблюдал, как с неба падают серые хлопья, помалу укрывая крыши и дорогу. Снег ложился на притолоки и подоконники и окутывал сонный городок вялым безмолвием. Циндерфел всегда был промозглым и ветреным местом, но сегодня царила тишина.

– Если так и дальше пойдёт, скоро всё засыплет, – прошептала Хьелльрунн.

Кутая плечи в платок, она вышла на крыльцо вслед за братом. Из рта у неё вырывались облачка морозного пара, и Стейнеру вдруг вспомнилась история о драконах, которую вчера рассказывала Ромола.

– Вот бы Зоркие о нас забыли, – добавила Хьелль.

– Сомневаюсь. – Юноша вымученно улыбнулся. – Разве

что заболеют и вернутся домой.

Он понимал чувства сестры – сам шесть раз проходил Испытание и теперь радовался, что для него всё закончилось. Каждый раз он боялся: вдруг в нём всё-таки мелькнёт отблеск колдовства, и Синод навсегда разлучит его с домом.

– Вчера ты как будто сомневалась, что пройдёшь Испытание. Может быть, ты... – Стейнер замешкался, подыскивая слова.

– Заклинаю ветра и обращаю людей в огонь? – закончила Хьелльрунн.

– Я бы заметил, – с улыбкой возразил брат.

Хьелль не ответила. Вместо этого она молча отвернулась, наблюдая за падающим снегом.

– У меня ведь никого больше нет – только ты да отец. Что со мной станет, если тебя заберут? И что станет с отцом?

– Никто меня не заберёт, – возмутилась Хьелльрунн.

Она не смотрела в глаза брату, а созерцала горизонт.

– Проводи сестру до школы, – крикнул Марек из кухни, как будто Стейнера просить нужно.

– Хорошо.

– И обратно дождись.

От юноши не укрылась настороженность в отцовском голосе.

На сегодня уроки отменили. Не будет и учителей. В такое время мысли только об одном.

– Пора идти, – позвал Стейнер, приобняв сестру за плечи.

– Обождите, – велел Марек. Слова звучали мягко, будто падающие с неба снежинки. Он вынул из кармана брошь и с грустной улыбкой шагнул к дочери. – Её носила твоя мать. Теперь она твоя.

Хьелльрунн моргнула, но тут же изменилась в лице, когда увидела брошь – по виду кузнечный молот. Вряд ли молодые девушки мечтают о чугунных украшениях.

– Надень сегодня. – Марек отогнул край шали и прикрепил брошь на кофту. – Если станет страшно на Испытании, подумай о матери.

– Но... Я её не помню, – прошептала Хьелльрунн, – совсем *не помню*.

Её худое лицо исказилось болью утраты, а в уголках глаз блеснули слёзы. Стейнер не разделял страданий сестры, его терзала обида на женщину, которая дала ему жизнь и сбежала неизвестно куда.

– Она любила тебя, – заверил отец. – Не падай духом.

Марек проводил детей и закрыл дверь. Их ждала долгая дорога под серым мелким снегом.

– А у тебя такая есть? – поинтересовалась Хьелльрунн, когда они отошли на пару улиц.

Стейнер с радостью ухватился за вопрос, чтобы хоть как-то отвлечься. А то голова гудела от тревоги, словно кузница в разгар работы, и это крайне утомляло.

– Нет, – ответил он, взглянув на брошь. – Как по мне, так размер маловат. Таким молотом много не накуёшь.

Стейнер легонько ткнул сестру локтем в бок, и на её лице наметилась улыбка, но тут же растаяла: впереди показалась гавань. Корабль угрожающе алел, а безрадостная погода и вовсе нагоняла тоску. На пирсе бесцельно околачивались трое солдат в ожидании шлюпки, которая везла по воде крошечных, плохо различимых людей.

– Вот он, – выдохнула Хьелльрунн. – Тот корабль, что повезёт несчастных на чистку.

Каждый год Синод привозил в Циндерфел десятка два детей со всего Винтерквельда. Раз за разом корабль собирал обречённых, после чего они навсегда исчезали. Циндерфел был последней точкой этого чудовищного пути.

– Наверное, их увозят в Хлыстбург, – предположила Хьелльрунн. В городе любили гадать, куда исчезают дети, отмеченные колдовским знаком.

– Хлыстбург...

Столица Сольминдренской империи и последний приют всех бунтарей и предателей.

– Нет, не в Хлыстбург, – возразил Стейнер.

– Куда же тогда? – Хьелль оглядела брата и нахмурилась. – Ты знаешь?

Юноше вспомнился таинственный остров Владибогдан, о котором упоминал Вернер, и взгляд его невольно обратился к морю. Бескрайняя зелёная гладь глотала снежинки, и Стейнер, нащупав руку сестры, крепко её сжал. Они смотрели, как родители с тяжёлым сердцем ведут своих детей на

Испытание. И трясло их вовсе не от холода.

– Жаль, мамы нет рядом, – вырвалось у Хьелль, и она крепче сжала ладонь брата. – Хотя бы раз в жизни её увидеть.

– У тебя ещё будет время. Всё обойдётся сегодня. Главное, не отводи глаз и не показывай страха.

– Легко сказать, – проворчала Хьелльрунн.

– И не гляди в пол, иначе покажется, будто ты что-то скрываешь. И, как бы ни было страшно, не вздумай петь. А ещё – ни слова о древних богах.

– *Богинь*. Я же не дура. Ты серьёзно думаешь, что я заговорю о Фрейне и Фрёйе в такой день?

Стейнер промолчал, и лицо Хьелльрунн помрачнело.

– Конечно нет, – ответил он спустя пару десятков шагов. – Просто волнуюсь. Уже давно в Циндерфеле не встречалось колдовских меток, пусть так сегодня и останется.

– Останется, – пообещала Хьелль и коснулась броши, которую дал отец.

Стейнер же задумался, нет ли здесь другой правды. В дурном настроении и после доброй пары кружков рыбаки болтают всякое. Так ли чисты намерения Зорких, когда они выбирают детей? Сестра семенила рядом – всклокоченный воробушек с настороженным взглядом. Ей недоставало женственности, и парень надеялся, что это послужит ей защитой.

Хьелльрунн оглянулась на кроваво-алый корабль. Небо потемнело, а прохладный ветерок разносил запах свежего снега.

– А давай не пойдём? Зоркие и не заметят, что кто-то отсутствует. Вернёмся домой?

Эта игра была им не в новинку: они и раньше в шутку размышляли – а что, если не ходить? Заканчивалось это всегда одинаково – под стать тоскливой циндерфелской погоде.

– Они здесь, чтобы замечать, – возразил Стейнер. – Не зря их называют «Зоркими». К тому же у них есть список учеников. Если не придёшь сама, за тобой явятся домой.

– А я спрячусь до вечера в лесу, – мигом отозвалась Хьелль с дерзким самодовольством.

– Тогда они прочешут город и уж точно не станут нежничать. Их не обрадует, если кто-то посмеет послушаться.

– Не пойду! – Хьелльрунн застыла и рассерженно скрестила руки на груди.

Сейчас в ней исчезло всякое сходство со спригганами или русалками, осталась лишь светловолосая девчонка с испуганными глазищами. Стейнер скользнул взглядом по склону к дороге на побережье. Трое солдат с пирса направлялись к школе и неотвратимо приближались.

– Идём, Хьелль, – прошептал юноша, но сестра лишь упрямо покачала головой. – Ну же. Мне тоже не нравилось ходить туда, но...

– А вдруг мама не сбегала? – прошипела Хьелльрунн. – Что, если её забрали, увезли такие же солдаты?

– Не выдумывай, Хьелль. Идём же, прошу.

Воины наступали. Они уже оказались на расстоянии бро-

шенного камня от того места, где спорили брат с сестрой.

– И ты отдашь меня в руки имперцам, которые забрали нашу маму?

– Откуда ты знаешь? Отец ничего подобного не говорил...

– Он вообще о ней не говорил! – Хьелльрунн круто развернулась и врезалась прямо в грудь солдата, вскрикнув от неожиданности.

Все трое возвышались над ней на добрых полторы головы. В зазорах чёрных, покрытых эмалью доспехов, сверкала кольчуга. На одинаковых шлемах выделялась красная звезда – знак Сольминдренской империи – а забрала с узкими прорезями для глаз обезличивали. Такая же отметина виднелась на рукавицах и тяжёлых булавах, висящих в петле кожаного пояса. Плащи, сапоги и перчатки казались чернее дёгтя. Молодой кузнец затаил дыхание: он никогда не видел имперцев так близко.

– Поторопитесь, – велел ближайший солдат с сильным северным говором. – Вы же не хотите опоздать, а?

Стейнер заметил, как Хьелль стушевалась перед тремя гигантами. Она понурилась и ссутулилась.

– Н-нет, что вы, – выдавила она.

* * *

Когда-то единственная школа Циндерфела помещалась всего в одной комнате крошечного деревянного домика с

каменным дымоходом и соломенной крышей, поросшей зелёным мхом. Поговаривали, что печная труба старше, чем восстание против драконов. Со временем появились новые строения, правда, позже одно сгорело – эта памятная история обросла разными небылицами, но, как бы то ни было, драконы тут ни при чём. Школьные здания обступали две просторные площади и потихоньку обрастали камнем. Сначала добавили несколько этажей, потом звонницу и, наконец, внутренний дворик. Площади соединялись крытыми переходами с колоннами, чтобы ученики не мокли в сезон слякотных дождей и не мёрзли под грязным снегом с наступлением стужи. Лужайки выглядели опрятно, а во дворе росла одинокая ель, вонзаясь в пасмурное небо.

Детей согнали на площадь, и они стояли, испуганно переглядываясь, будто искали защиту в глазах друг друга. Беспорядочные ряды тревожно месили комковатую слякоть. Стейнеру не хотелось заходить в школу, и он остался под аркой. Снегопад прекратился, но холод до сих пор пробирал до костей.

– Мне страшно, Стейнер, – хрипло прошептала Хьелльрунн.

Он кивнул и заметил спокойно:

– Как и всем. Ступай к остальным. Скоро всё закончится.

Хьелльрунн пробралась сквозь толчею поближе к одноклассникам. Её встретили молчаливым отчуждением, не удостоив и взглядом. Местные чурались любознательной де-

вочки, на уме у которой лишь древние боги и всё то, что для жителей Нордвласта уже устарело. Поговаривали, что здесь, как в Дракефьёрде и по всей Империи, вскоре тоже запретят любое упоминание о Фрёйе и Фрейне.

Первыми появились солдаты и встали по углам дворика чёрными тенями, сжимая шипастые булавы. Стейнера охватил неописуемый ужас; ему нестерпимо захотелось оглянуться. Затем подошли сразу двое членов Синода. Одежда на них была одинаковая: подбитые бежевые сюртуки до колен и длинные кожаные накидки без рукавов. Выкрашенные в цвет засохшей крови плащи украшало тиснение в виде геометрического узора, знака Святейшего Синода. Различались лишь маски. Один выбрал блестящую серебряную личину с растянутым в добродушной улыбке ртом, другой – совершенно невыразительную, с нахмуренными бровями над прорезями для глаз. Вся её бронза была изъедена рытвинами, и казалось, что Зоркий явился из древней зловещей сказки. По двору разнёсся оглушительно громкий голос, и дети вздрогнули.

– Я – иерарх Ширинов из Святейшего Синода Сольминд-ренской империи. Со мной прибыл иерарх Хигир.

Грубый сольский говор тяжёлым свинцом наполнял каждое слово. Ширинов по-стариковски опирался на трость, но годы не ослабили его голос.

– Не страшитесь, дети Циндерфела, – печально произнёс Хигир. – Горька доля Обождённых республик, но земли эти

нечасто рожают колдовство.

Стейнер нахмурился. Когда речь заходила об исполнении поручений Императора, Зоркие всегда действовали группой, известной как «Тройка». Странно видеть в Циндерфеле только двоих. Не кроется ли здесь опасность?

– Знайте же, что я заберу лишь нечистые меченые души, – заявил Ширинов. – Я не палач, но лекарь, что исцеляет хворь – драконье колдовство.

Зоркий остановился перед Хьелльрунн. Серебряная маска почти касалась её носа.

– Как твоё имя, дитя?

– Хьелльрунн Вартиаинен, – ответила она.

У Стейнера мгновенно взмокли ладони. Неужели иерарх выбрал её не случайно? Разве брат не узнал бы, что родная сестра заражена драконьей скверной? Люди шепчутся, что человеческое тело отвергает колдовство: бледнеет кожа, скрючиваются или отнимаются конечности. Хьелльрунн выглядела здоровой. А ещё молва приписывает меченым чудные сны или способность читать чужие мысли. Ничего подобного за Хьелль не водилось, и всё же Стейнера вдруг охватила уверенность, что сестру непременно заберут на корабль и навсегда увезут на Владибогдан. Юноша пообещал себе: если иерарх сейчас отвернётся, если Хьелль пройдёт последнее Испытание, он станет для неё лучшим братом, будет заботиться о ней до конца своих дней.

– Что ж. – Голос Ширинова громом разнёсся над площа-

дью. – Посмотрим, что нам откроется.

Раздался плач. Дети дрожали и бессмысленно глядели в пространство. Хьелльрунн, стиснув кулаки, держала голову прямо, как велел брат.

– Умница, Хьелль, – выдохнул Стейнер. – Не показывай страха.

Ширинов вновь уткнулся маской ей в лицо, и молодой кузнец забыл, как дышать. Но вот иерарх отвёл взгляд и заковылял прочь: Хьелльрунн потеряла для него интерес.

Испытания проходили по-разному. Порой Зоркие хищно осматривали детей одного за другим и, не найдя следов колдовства, быстро отпускали. В таком случае везло первому, а вот последний до самого конца мучился невыносимой тревогой.

– Ожидание подобно смерти, – любил повторять Вернер. И теперь, волнуясь за Хьелльрунн, Стейнер в полной мере это познал.

Одни говорили, что колдовская метка источает запах, чувствовать который способны лишь Зоркие. Другие верили, что она клубится на холоде призрачным облаком или тенью. Стейнер же не знал правды и просто радовался, что свои Испытания уже прошёл.

Ширинов осматривал детей не по очереди, не ряд за рядом, а неспешно прохаживался и беспорядочно кружил. Иерарх Хигир так и не тронулся с места – не пожелал или не смог ходить среди детей, и изучал их издалека.

Трижды иерарх Ширинов возвращался к Дитлефу, чтобы обнюхать, пока мальчик не побледнел, как молоко, а волосы на лбу не слиплись от пота. Родителям в такое время не поплачешься. Тех, кто потерял сознание или, хуже того, не сдержался и опорожнил мочевой пузырь, дразнили весь месяц после Испытания. Стейнер задумался, не могли ли Зоркие передать часть своей жестокости детям?

Тянулись тягостные мгновения. Кто пожелает носить драконью скверну? Кто захочет проклятие колдовских сил? Семьдесят пять лет Империя старательно изживала все следы драконов, уничтожала всякого, кто обладал их даром.

Иерарх кружил по рядам, топтал комья грязи, с ненавистью вонзал трость в землю. Затем Ширинов вновь приблизился к Хьелльрунн, и Стейнер беспомощно ожидал, как ему казалось, неизбежного.

– Ступайте, дети Циндерфела, вы свободны, – рявкнул старик.

Он устало и измученно опёрся на трость, словно был разочарован. Кто-то облегчённо вскрикивал, остальные же собрали остатки сил и поспешили убраться прочь. Хьелльрунн подошла к брату, неуверенно ступая, будто спросонья.

– Не верится, – прошептала она. – Когда он подошёл ко мне вначале...

Брат с сестрой крепко обнялись, и Стейнер подавил всхлип, но Хьелль и сама хлопнула носом.

– Идём, – юноша глянул на иерархов. – Расскажем новости

отцу.

Они вместе выскользнули из дворика с улыбками на измученных лицах. Стейнеру не терпелось оказаться дома и навсегда забыть об этих пытках.

– Всё закончилось, Хьелль. Больше тебе не придётся проходить через это.

Сестра кивнула и улыбнулась сквозь слёзы, струящиеся дорожками по щекам.

– Сегодня сделаю рыбную похлёбку, – пообещал Стейнер.

– И варёный картофель с маслом и травами?

Он кивнул. Не лучший праздничный ужин, но важно праздновать маленькие победы. В Циндерфеле других и не бывает.

– Стой, – Хьелльрунн замерла.

– Что случилось?

– Брошь. Она отстегнулась. Я почувствовала, что она упала, но не видела, куда.

Они принялись искать брошь Марека в грязи, пока вокруг родители обнимали детей.

– Где-то здесь, – сказал Стейнер, разглядывая грязь под ногами.

– Нужно её найти, – взмолилась Хьелльрунн. – Она мамина.

– Знаю, – ответил юноша. Он не верил предрассудкам, но грубый кусок металла явно принёс сестре удачу, позволив выскользнуть из лап Зорких.

– Вы! Стойте!

Стейнер замер, как и люди вокруг. На их лицах разлилась тоскливая тревога. Ширинов и Хигир вынырнули из арки, на серебряной маске красовалась застывшая улыбка, а на бронзовой навек отпечатались нахмуренные брови.

– Беги, Стейнер, – прошептала Хьелльрунн.

Двое солдат присоединилось к иерархам, выскользнув из школы. Вниз по улице ждали ещё двое имперцев.

– Некуда бежать, – ответил ей брат. – От имперцев не сбежишь.

Ширинов ковылял к ним, оставляя в грязи след от волоочащейся трости. За его спиной хмурой громадой маячил Хигир.

– Брошь! – прошептала Хьелль, бешено шаря взглядом по земле.

– Забудь, её уже не вернёшь, – отмахнулся Стейнер и теснее прижал сестру. – Спрячься за меня.

4

Стейнер

«И хотя общество обычно избегает подобного разделения, Святейший Синод выстроил иерархию: послушник, брат/сестра, святая мать/святой отец, священник, иерарх, экзарх, патриарх/матриарх. Синод вверяет Испытание самым преданным из святых матерей и отцов, и всё же порой он призывает более искушённые умы».

Из полевых заметок иерарха Хигира, Зоркого при Имперском Синоде

– Ты! – чересчур громко гаркнул Ширинов. – Как твоё имя?

– Я не глухой, – сердито огрызнулся Стейнер.

– Этому не занимать мужества, – приблизившись, заметил Хигир и сложил ладони «домиком». – Назови своё имя, дитя.

– Стейнер. Стейнер Эрдаль Вартиаинен.

– Стейнер. Значит, «каменный», – заметил первый иерарх. – Верно, на голову каменный?

– Уж лучше на голову, нежели на сердце, – подметил молодой кузнец.

– Что ты здесь делаешь? – Ширинов навалился на трость.

– Приводил сестру. – Стейнер возвышался над иерархом на целую ладонь и смотрел на него сверху вниз, и всё же ру-

ки юноши дрожали от страха и злости, так что он отчаянно стискивал кулаки, лишь бы не выдать своего волнения. – А теперь забираю домой.

– А ты уже прошёл Испытание?

Стейнер судорожно сглотнул, но взгляда не отвёл, отыскав в себе смелость глядеть прямо. Он не сделал ничего дурного.

– Я прошёл все: первое в своё десятое лето и последнее в шестнадцать, когда закончил школу.

– Пора возвращаться, – позвал Хигир.

– Не торопись, брат, – ответил Ширинов.

Он шагнул к Стейнеру, и за улыбающейся маской был ясно слышен отчетливый звук. Иерарх принюхивался, как ищейка тянет носом, идя по следу лисы или зайца.

– Сколько тебе лет?

– Восемнадцать. Я же сказал, что прошёл все шесть Испытаний. И моя сестра тоже. Мы уходим.

– Нет. Не думаю. – Ширинов подался вперёд и склонил голову к плечу. – Я чую в тебе скверну. – Он вновь принюхался. – На тебе след колдовской метки.

– Что за ерунда! – возмутился Стейнер. – Это ложь!

Хьелльрунн стиснула его ладонь.

– Я чую силу земли, – продолжал Ширинов. – И моря. В тебе огромная сила. Не знаю, как ты прошёл Испытания, но теперь ты попался.

Стейнер открыл рот, но слова никак не выходили. Сила моря? Земли? Если уж у кого и могла быть колдовская мет-

ка, то у Хьелльрунн, а не у него. Сестра вновь сжала его руку, но он едва ли почувствовал – брат неотрывно смотрел в улыбчивую личину иерарха.

– Это ложь! – повторил молодой кузнец и будто услышал себя со стороны, как бывает во сне. Неужели он бы не знал? Наверняка случилось бы что-то необычное.

– Меня называли по-разному, Стейнер Эрдаль Вартиаинен, но лжецом – никогда, – отозвался Ширинов.

– Всё из-за моей дерзости, да?

– Вовсе нет. Я чувствую в тебе силу земли и силу воды. Не узнай мы этого, какие беды ты мог бы принести Империи? Какие ужасы призвать?

– Призвать? Я не обладаю даром, старик.

Однако слова унёс ветер, подобно тлеющим углям или прозрачному дымку. Мир для Стейнера померк. Ужасная неуверенность навалилась на него, дыхание перехватило, силы утекали.

– Явишься поутру в гавань, – велел Ширинов. – Иначе я пошлю за тобой солдат.

– Не пытайся сбежать, мастер Вартиаинен, – посоветовал второй иерарх с притворной заботой. – Если мы не найдём тебя завтра к полудню, то обшарим весь город. – Хигир подался ближе. – А это кончится худо. Поиск приводит к жертвам, случайным, разумеется.

– Вы ошибаетесь! – Стейнер покачал головой. – Я прошёл все Испытания!

– Не в этот раз, – ответил Ширинов и явно ухмыльнулся за маской.

Иерархи развернулись и скрылись за колоннадой школы, пока Стейнер глядел им вслед, не сводя глаз. Он окаменел и онемел от потрясения, но тут тяжёлый кулак врезался ему под рёбра, выбив из лёгких воздух.

– Завтра чтобы явился в гавань, и держи свой дерзкий язык за зубами.

Стейнер собирался ответить, но тут его по лицу ударил второй солдат, да с такой силой, что голова мотнулась. И вот он уже оказался на коленях, разглядывая пятна сажи и алые капли на снегу. Кровь, догадался он.

– Стейнер! – Хьелльрунн упала на колени и обняла брата. Плечи её сотрясались от рыданий. – Ох, Стейнер.

Онемевшими пальцами он зарылся в снег, как вдруг на свет показалась брошь.

Ну, хоть украшение нашлось, хотелось сказать ему, но челюсть опухла и не слушалась.

* * *

Они сидели за кухонным столом, и Стейнер размышлял, как такое могло случиться. На прочие думы сил не оставалось. Отец уже оправился от молчаливого потрясения. Сначала он шёпотом выражал недоверие, а теперь гневно рычал и непрерывно строил планы побега.

– Мы не можем рисковать, – возразил Вернер.

– Зоркий, Хигир, сказал, что они сровняют город с землёй, если я завтра не явлюсь. – Стейнер прижал лоскут к порезу на щеке.

– Плевать на город, – возмутилась Хьелльрунн.

– Ты же обещал, что Испытание в этом году отменят, – заметил Марек, тяжело глядя на Вернера. – Ты сказал...

– Я *надеялся*, что в этом году Синод к нам не явится.

– Почему Зорких было двое? – задумчиво промолвила Хьелльрунн. – Почему не Тройка?

– И оба – иерархи, – добавил Стейнер.

– Никогда прежде Синод не посылал к нам высокопоставленных служителей. – Хьелль покачала головой. – Только святых матерей.

– В Хельвике погибли двое Зорких. Третий же бесследно исчез, – объяснил Вернер. – Солдатам причина неизвестна. Видимо, Синод отправил двоих Зорких, чтобы расследовать дело.

– И они случайно остановились в Циндерфеле, чтобы провести Испытание, – проронил Марек, тяжело глядя на рыбака.

– Никто не ожидал, что они появятся так скоро, – сказал дядя.

– Двое Зорких мертвы, а третий пропал, – повторил Стейнер.

Вернер кивнул.

– Ты вчера ничего подобного не упоминал.

Моряк лишь пожал плечами и взглянул на Марека, но тот отвёл взгляд.

– Прости, Стейнер.

– Почему ты извиняешься? – Он повертел в руках брошь. – Не ты ведь узрел во мне колдовскую метку. Не ты отправляешь кораблём неизвестно куда.

– Конечно нет, – ответил Вернер. – Просто хочу...

– Поверить не могу, – перебил Марек. – Всё это время... Будь это Хьелль, я бы понял...

– Эй! Не надо говорить обо мне так, будто меня здесь нет. – Хьелльрунн взглянула на брата и вновь уставилась на ревящее в очаге пламя.

– А я только успел полюбить работу, – с горькой улыбкой произнёс Стейнер. – Я мог бы стать хорошим кузнецом.

– Лучшим. – Вернер положил ему ладонь на плечо.

Марек прокашлялся и поднялся, скрипнув стулом.

– У меня для тебя кое-что есть.

– Меня увезут и убьют, вряд ли мне что-то поможет.

Отец взглянул на рыбака, и тот кивнул.

– Мы не знаем наверняка, убивают ли меченых детей, – вздохнув, признался Марек. – Нам неизвестно, что с ними происходит.

– О чём ты говоришь? – прошептала Хьелль. – Всем от Свингеттевея до Нордвласта понятно: детей с колдовской меткой убивают.

– Я уже мёртв, – ответил Стейнер. – Всё остальное – лишь ожидание.

– Идёмте, – позвал Марек. – Кое-что вам покажу.

* * *

Стейнер окунулся в темноту кузницы: пышущий красноватым жаром горн, знакомые запахи угольной пыли и раскалённого металла. Воздух отдавал железом – привкусом угрозы и крови.

– Откуда тебе столько известно про Владибогдан? – удивился юноша, как только дверь закрылась. – Дело явно не в том, что ты рыбак. Что ещё вы утаиваете об Империи?

Вернер виновато поморщился.

– Мы следим за перемещениями имперцев и кое с кем делимся информацией, – объяснил он. – Ваш отец сейчас мало помогает – всё время приглядывает за вами. Давным-давно мы уговорились, что не позволим Сольминдренской империи поступать, как заблагорассудится.

– Вы – шпионы, – нахмурилась Хьелльрунн.

– Я кузнец, а не шпион, – возразил Марек. – Знали бы вы, что известно нам об Империи, тоже приложили бы все усилия, чтобы спасти родных.

– Ведь в этом всё и дело. – Стейнер сердито глянул на отца. – Ты никогда не делился знаниями об Империи, едва ли упоминал маму и вообще с нами почти не разговаривал.

– Стейнер! – Марек обошёл наковальню и схватил сына за плечи, но тот отпрянул.

– Это был ты! – зашипел юноша на Вернера. – Ты побывал в Хельвике! – Он перевёл яростный взгляд на дядю. – Ты убил двоих Зорких! Ты пообещал отцу, что Испытание отменят, и Хьелльрунн не проверят в этом году!

– Я никого не убивал, – возразил моряк, но его слова никого не обманули.

– Побойся Фрейны, Стейнер! – Марек покачал головой. – Только послушай себя!

– Нет, – вмешалась Хьелльрунн. – Лучше вы послушайте меня. – Её монотонный голос звучал твёрдо, пока пламя окутывало жутковатым светом фигуру сестры. – Пусть Стейнер и не умеет читать, но он не глупый. Как и я. – Она развернулась к отцу. – Ты отправил Вернера убить Тройку, потому что опасался, что я не пройду Испытание.

– Имперцы прислали бы новых Зорких, – возразил ей брат.

– Да, но в Хельвик, а не в Циндерфел – пока Империя ищет убийцу, ей не до нас.

Марек с мольбой потянулся к детям и покачал головой.

– Я просто хотел вас защитить.

– Эта брошь... – Хьелльрунн указала на металл, поблёскивающий у Стейнера на ладони. – Она ведь скрывает колдовскую метку? Твоя последняя отчаянная попытка спасти меня от Испытания.

– Значит, это правда, – протянул Стейнер. – В тебе есть драконья скверна?

– Мне больше нравится термин «колдовская метка». – Хьелль посмотрела брату в глаза.

– Вы оба знали? И ничего не рассказали мне? – поразился он, переводя взгляд с отца на сестру.

– Я догадывался, – потупившись, признался Марек. – Никогда не сомневался, что так выйдет – очень уж она похожа на мать.

– Хьелль? – ошеломлённо выдохнул Стейнер.

– Я всегда знала, – ответила Хьелльрунн. – Прости, Стейнер. Я хотела тебе рассказать, но не могла решиться. Я даже не знаю, в чём заключается моя сила.

– Ты скрывала... – Стейнер привалился к наковальне. – От собственного брата. Неужели я совсем не заслуживаю доверия?

– Тебя никогда не интересовали древние сказания и богини. Я боялась, Стейнер, думала, ты возненавидишь меня и сгоряча наделаешь глупостей.

– Я бы ни за что не выдал тебя Империи. Хорошего же ты обо мне мнения.

– Мне жаль, Стейнер. Я просто растерялась. – Хьелльрунн обхватила себя руками и понурила голову, укрывшись за нечёсанными вихрами. – Мне духу не хватало кому-то сказать.

– Так вот кого обнаружили иерархи, – догадался юноша. –

Ты стояла за моей спиной. И как только брошь откололась, они почуяли беду.

– Не смей так говорить! – Хьелль вздернула подбородок с гневом в глазах. – Я не причиняю вреда и не делаю дурного.

– По правде, – помолчав, сказал Марек, – детей не казнят на том острове.

– Так мы думаем, – добавил Вернер.

– Мне нельзя на остров, – заявил Стейнер. – Что там со мной будет?

Марек и Вернер переглянулись, и дядя пожал плечами:

– Неизвестно. Мы давно пытаемся заслать на остров сторонника Обожжённых республик.

– И всё-таки вы – шпионы, – понял Стейнер.

– Послушай. – Вернер говорил мягко, словно извиняясь. – Пусть и жестокая, но это – удача. Что, если именно тебе суждено проникнуть на остров?

Стейнер в упор посмотрел на дядю и покачал головой.

– Я был уверен, что хорошо тебя знаю, но ты готов без сожалений отправить меня на Владибогдан.

Он развернулся и обвинительно наставил на отца палец.

– Ты должен меня защищать. Разве не так поступают родители? Что ты за отец?

– Я не желал для тебя дурного, – возразил Марек, но не справился с голосом и отвернулся.

– Стейнер, просто выслушай, – взмолилась Хьелльрунн.

– Потому что так лучше для тебя, да? Пожертвовать мной,

чтобы избежать острова?

– Ей нельзя туда, – сказал Марек. – Империя заставит её использовать силу, и тогда...

– Что? Что ты знаешь? – Стейнер шагнул к отцу.

– Колдовство выжигает человека, – попытался втолковать Вернер. – Опустошает, делает слабым и больным, подобно огню, сжигающему уголь или дерево.

– Хьелль умрёт, – коротко объяснил Марек.

– Думаете, меня пожалеют, когда узнают, что я не умею... – Стейнер покрутил рукой, изображая нечто неопределённое. Но все поняли, что он имел в виду колдовство.

– Тебе нельзя на остров, Хьелль, – повторил Марек. – Добром это не кончится.

– Если рассказать Зорким о Хьелль... – Вернер покачал головой. – Они наверняка заберут вас обоих. Никто не должен знать, что Зоркие ошибаются.

– Рад, что между вами такое согласие, – с горечью произнёс Стейнер. – А я, пожалуй, буду наслаждаться последними часами свободы.

* * *

Кристофин стояла у входа в таверну. При виде Стейнера она улыбнулась, но глаза остались грустными.

– Здравствуй, Стейнер.

– И тебе привет. Слышала новости?

Девушка со вздохом кивнула.

– Впустишь? Хочется выпить и забыться... Утром, правда, ничего не изменится.

– Не могу. Отец боится распугать посетителей.

– Да нет на мне метки, – простонал Стейнер. – Это ошибка.

Кристофин вновь кивнула, но с места не двинулась.

– Отец предупредил, что ты так скажешь. Почему не остался дома с семьёй?

– Мы повздорили.

Юноша отвернулся – в голове вдруг опустело, дыхание перехватило. Он не мог выразить словами, что чувствовал к Хьелльрунн, Вернеру и Мареку.

Кристофин подошла и тронула его за руку.

– Ступай в конюшню, – велела она, прервав мрачные размышления. – А я принесу медовуху.

– Я не собираюсь пить в конюшне. На мне нет метки, и я не лошадь.

– Или конюшня, или ничего. Иди. И постарайся пробраться незаметно.

Стейнер неохотно кивнул. Как в дурмане, он задворками обошёл таверну. Конюшня, обветшалое деревянное строение, нищенски ютилось позади. Из трактира доносились громкие отрывистые голоса, и юноше даже почудилось, что он вот-вот услышит своё имя. Сквозь закрытые ставни пробивался свет и приковывал взгляд. Стейнер с наслаждени-

ем воображал застарелый запах пива и беспорядочный ворох соломы на полу; он жадно прислушивался к громовым взрывам хохота и приглушённому гулу разговоров. Вряд ли на острове его ждут подобные удовольствия.

Молодой кузнец юркнул в конюшню и нашёл пустое стойло. Кристофин заранее всё подготовила: два табурета, фонарь и две глубокие кружки. Солому покрывала старая попона. Дочь трактирщика проскользнула следом с глиняной кружкой в руках и озорной улыбкой на лице.

– Накрыто на двоих, – заметил Стейнер.

– Пить в одиночестве вредно, – ответила Кристофин и устроилась на попоне.

Он внимательно посмотрел на девушку.

– Зачем такое участие? Зачем ты всё это делаешь?

– В школе я никак не решалась с тобой заговорить. Взрослея, стала волноваться, что скажут другие девчонки.

– Потому что я не умею читать, – догадался Стейнер и привычно испытал стыд.

Кристофин покачала головой и продолжила как ни в чём не бывало.

– А теперь ты уезжаешь, и я поняла, что не следовало стесняться... Плевать теперь на чужое мнение.

– А сегодня что? У меня вроде как метка.

– Каково это?

– Что?

– Колдовская метка. Какие у тебя способности?

Стейнер устало хохотнул и приложил мозолистую ладонь ко лбу. Он понял, что сейчас разрыдается от отчаяния, и закрыл лицо руками, чтобы скрыть свою слабость от Кристофин. Однако вскоре почувствовал, как её тёплые пальцы касаются ладоней, отводя их в сторону.

– Меньше слов, больше выпивки, – сказала девушка и наполнила кружки.

– У меня нет метки, честно. Это иерарх, чтобы его... – Не успел он закончить фразу, как Кристофин потянулась и нежно его поцеловала.

– Я тебе верю, – наконец сказала она.

Стейнер тут же отбросил все мысли о Владибогдане, Синоде и Империи. Последняя ночь принадлежала только ему.

Хьелльрунн

«Многое и по сей день остаётся для нас тайной, но трактаты утверждают, что у колдовских меток четыре направления, по главным стихийным элементам. К примеру, прорицание и телепатия рождаются со знаком ветра».

Из полевых заметок иерарха Хигира, Зоркого при Имперском Синоде

Стейнер ушёл, и вновь воцарилась долгая тишина, которую Хьелльрунн отчаянно хотелось нарушить. Она стояла в дверях кузницы, едва сдерживая крик. Пусть весь город знает о её боли. Пусть мёртвые в Хеле оглохнут от её вопля. И пусть брат вернётся, а колдовская метка исчезнет.

Взгляд притянули фонари в гавани. Они нежно покачивались на волнах, обозначая фрегат, но скрывая его очертания. Хьелль чувствовала, как море гладит корабль, так же ясно, как и касание ветра на коже. Утром кроваво-красное судно заберёт Стейнера, и помешать она бессильна.

– Не стой на холоде, – велел Марек, затем положил руку на плечо дочери и неумело обнял.

Хьелльрунн неохотно покорилась, хотя её душила ледяная ярость – он подозревал в ней колдовство, но молчал об этом.

– Я правда на неё похожа?

Вопрос скрывал не тоску, а гнев, что истина открылась так поздно.

Узнавать что-то новое о маме нужно по крупицам и со слезами счастья, а не разом перед расставанием со Стейнером.

– У тебя её глаза, да и волосы тоже, только ты ленишься причёсываться.

– Где она теперь?

– Её забрала Империя, – ответил Марек.

Он отстранился, избегая смотреть на дочь, и устремил взгляд во мрак снаружи.

– Мы недолго пробыли вместе, но успели дать жизнь двум прекрасным детям, и всё это время она жила с оглядкой и постоянно ждала.

– Что её найдут Зоркие, – догадалась Хьелль.

– От них не спрячешься, рано или поздно всё равно отыщут. – Марек пнул сапогом наковальню. – В конце концов она сбежала. И к лучшему.

– А имперцы знали, что у неё есть дети?

– Нет, само собой. – Марек закрыл дверь и задвинул застав, отрезая от взора ночь. – Иначе убили бы вас в пример другим.

– Кому – «другим»?

На вопрос отец не ответил, но задал свой.

– Какие... – Он нахмурился и повторил: – Какой у тебя

дар?

– Дар? – с отвращением переспросила Хьелль, криво усмехнувшись. – Никакого дара у меня нет. Я просто чувствую. Знаю, когда пойдёт дождь, к примеру, или угадываю прилив.

– И всё? – изумился Марек, отчего Хьелль кольнул стыд.

– А ты думал, твоя дочь – могучая колдунья?

– Прости, Хьелль. Я ведь не знаю, как это устроено, и совсем забыл, что тебя никто не учил.

– А ещё забыл, что мне всего шестнадцать.

– Да, извини. – Отец прижал уголки глаз кончиками пальцев, и по лицу явственно растеклась усталость. – Значит, просто чувствуешь?

– Лучше всего мне в лесу, там я ощущаю свободу. Воображаю, как под землёй по своим норкам и ходам бегают разные зверьки.

– Может, всё это и правда?

Марек долго смотрел на дочь, точно подбадривая, а потом жестом поманил на кухню.

Вернер сидел за столом и коротким ножом чистил ногти. Он оторвался от своего занятия и без всякого выражения взглянул на племянницу. Стейнер говорит, что Хьелль – любимица моряка. Но ей до этого нет дела. Отец, например, больше выделяет брата, так что всё по-честному, насколько вообще в семьях это возможно.

– Не бойся, дядя. Я не стану насыпать на твою лодку бурю,

когда ты снова выйдешь в море.

Вернер без улыбки отложил нож и отвернулся к очагу, где мерцали алым угли.

– Не стоит этим шутить. Многие люди страдали и умирали из-за этого дара.

– Думаешь, я не страдаю? – отрезала Хьелль с ледяной беспощадностью Холодеющего океана. – Моего родного брата обрекают на верную гибель.

– Мы не знаем этого наверняка, – возразил Вернер, поднимаясь. – А если не растеряется и будет начеку, может, и разужнает что.

– Его нельзя отправлять на остров. – Девушка в упор посмотрела на рыбака. – Я не позволю.

Отец с дядей переглянулись, и на их лицах проступила озабоченность.

– Мы не в силах ничего изменить, Хьелль. Иного способа остановить имперцев, увы, нет.

Марек с мольбой протянул к дочери руку, но та не приняла её, не желая мириться с человеком, который столько скрывал. Хьелль вновь захотелось кричать, выть, подобно загнанному зверю. Она стиснула кулаки, и комната вдруг наполнилась приглушённым сиянием. Голова закружилась, и потребовалось сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Империя хочет отнять у меня брата.

Кухонная дверь скрипнула на петлях и с размаху распахнулась, грохнув о стол позади. В очаге разом потух огонь, и

в полумраке комнаты серо-оранжевыми всполохами взметнулся вихрь золы и пепла. Старая тряпка рвалась на ветру, как белый флаг поражения. Марек и Вернер попятились, кто-то из них даже вскрикнул. Зажмурившись, Хьелль пронеслась по кухне и чуть кубарем не скатилась с порога.

Задышавшись от кашля, Марек бросился следом, но Хьелль увернулась от рук отца – нельзя столь вольно обходиться с правдой, когда она так нужна.

– Дочка, пожалуйста. Ты не представляешь, что тебя ждёт. – Голос срывался – кузнец боялся, что на тихой улочке их подслушают. – Колдовство не приживается, оно сжигает тело. Я видел людей, которые навсегда обратились в камень.

– Я не позволю его забрать, – громко выкрикнула Хьелль-рунн, и на окнах по соседству кое-где заколыхались занавески.

Она мчалась по улице и радовалась, что вырвалась из кузницы, прочь от тяжёлого металлического духа и жара, наслаждалась свободой вдали от кухни с нависающим потолком и столом-громадиной. Втайне, не признаваясь даже самой себе, Хьелль ликовала, что наконец осталась в одиночестве. Люди. Её тяготило их общество, даже собственного отца и дяди. Мирное уединение среди деревьев куда лучше.

Ветер завывал, эхом разносясь в иззубренных скалах. Он стонал и пел, и душа Хьелль наполнялась глубоким беспокойством. Серая метель слепила, и девушка с трудом пробиралась по сонному городку, кралась переулками и пряталась

в тени от имперских дозорных.

Было уже поздно, извилистые улочки тонули в густой темноте, а Хьелль не захватила ни фонаря, ни факела, чтобы освещать дорогу. Мрак едва разгоняли серебристые брызги света от окон и сияющий блеск золотых лент на мостовых и снегу. Интересно, сколько семей живут в Циндерфеле? Сколько их, тех, кто прячется за ставнями в своих домах? Тех, у кого все мысли заняты лишь повседневными хлопотами? Где взять деньги? Раздобыть еду, найти покой и уют? Здесь, под соломенными крышами, спят эти простые люди. Их не тревожат древние секреты и мистические силы. Покой их нарушает лишь завывание ветра и вечный холод, и душа Хьелль вдруг взорвалась завистью.

Таверна Бьёрнера, как маяк, разгоняла тьму: из окон лился гостеприимный свет, приглашая всякого, кто отважится взобраться по крутой дороге к крыльцу. Зубы у продрогшей девушки стучали, но она упрямо шла вперёд. Заходить ей не хотелось, но иного места, где бы Стейнер стал искать приюта, на ум не приходило. Трактир взорвался хохотом, грубым и враждебным, и в нос ударили столь же недружелюбные запахи. Хьелль поморщилась и, сдвинув щеколду наверх, толкнула дверь плечом.

– Кажется, сегодня не стоит ждать ни тепла, ни добродушия, – пробормотала она вполголоса, надеясь, что ей хватит смелости отыскать Стейнера и привести его домой.

Не успела она опасливо заглянуть в таверну, как со спины

налетел ветер и широко распахнул дверь. Все взгляды тут же обратились на Хьелль. Она сжалась от стыда, борясь с тяжёлой створкой, но никто не поспешил ей на выручку и не проронил ни слова.

Из-за стойки, нервно вытирая руки тряпкой, вышел Бьёрнер. Он пытался скрыть изумление, но глаза его сразу же выдали.

– Хьелльрунн Вартиаинен, – произнёс он в полной тишине.

За спиной хозяина появился мясник Хокон, а две дюжины людей просто глупо таращились, разинув рты, будто пойманная в сети рыба.

– Я ищу брата, – ответила Хьелль, но в тишине слова прозвучали едва различимо.

– Ему здесь не рады, – отозвался Бьёрнер. – Как и тебе, Хьелльрунн.

– Кто-нибудь видел его? – Девушка обратилась к посетителям, но они избегали встречаться с ней взглядом и утыкались в кружки или виновато разглядывали пол. – Кто-нибудь видел Стейнера? – повторила она, и голос прозвучал оглушительно в удушающей тишине.

– Шла бы ты домой, – посоветовал Хокон, оглаживая свою огромную бороду.

Хьелль в отчаянии огляделась.

– Вы же наверняка его видели.

– Уходи, – велел Бьёрнер.

Хьелльрунн вновь оглядела собравшихся и вскинула четыре пальца.

– Горите в Хеле. Я желаю вам всем попасть в Хель.

Дверь с грохотом захлопнулась, и девушка крадучись направилась обратно, осыпая людей проклятиями.

Ему здесь не рады, как и тебе, Хьелльрунн. Бьёрнер имел в виду только таверну или весь Циндерфел?

– Значит, не нашла, – догадался Вернер.

Бороду он запачкал молоком, и вид имел престранный. Перед братьями дымились кружки с горячим молоком.

– С чего это вы пьёте молоко, как престарелые тётушки? – спросила Хьелль. – А я думала, вы уже прикончили всю медовуху.

– Придержи язык, – проворчал Марек. – Плохая затея – напиваться в такие времена. А согреться надо. Будешь вести себя хорошо, и тебе нальём.

Хьелльрунн выдвинула стул, тяжело плюхнулась на сиденье и, сложив руки на столе, устроила на них голову.

– Где ты была? – мягко спросил Вернер.

– У Бьёрнера, конечно, – ответила Хьелль, не меняя положения. – Где же ещё?

– Тебя явно не встретили с распростёртыми объятиями, – догадался дядя.

– После такого вообще не стоит ждать радушия, – заметил Марек. – Повезёт, если позволят остаться в городе.

– Почему колдовство – это плохо? – спросила Хьелль. –

Разве я опасна? Девочка шестнадцать лет, которая предсказывает погоду.

– Ты же знаешь сказки, Хьелль, – ответил Вернер. – Сколько помню, ты всегда требовала истории о драконах и колдовстве.

– Но ведь это всего лишь истории. Сказки. Драконы мертвы уже сто лет.

– Семьдесят пять. – Марек налил из кастрюли горячее молоко в кружку. – Остались ещё те, кто помнит войну, Хьелль. У многих воевали отцы и передали память своим сыновьям.

– Разве чародейство опасно? – нахмурилась Хьелль. – Это ведь просто сказки, которые со временем приукрасили.

– «Приукрасили», – усмехнулся Вернер. – Даже говорит, как мать.

– Этим словечкам она точно не у меня научилась, – согласился Марек.

Хьелльрунн обхватила кружку руками и почувствовала тепло.

– Империя винит драконов в появлении колдовства, – сказал Марек. – И потому они не успокоятся, пока не уничтожат его полностью.

– Даже убивая детей? – спросила Хьелль.

Мысли возвращались к Стейнеру, хотя он вряд ли теперь сойдёт за ребёнка.

– Даже если нужно убивать детей, – кивнул отец. – Они сделают всё, чтобы колдовство не попало в руки простых лю-

дей.

Хьелльрунн пила, делая частые глотки, но молоко горчило, поэтому она отставила кружку. Марек и Вернер не спеша потягивали напиток, глядя на огонь, будто хотели разглядеть там судьбу Стейнера.

– Допивай, – велел отец, и Хьелль послушалась.

Лестница на чердак показалась бесконечной, до чего же тяжело было взобраться. Почему она так устала? День и правда выдался длинным, но на кровать девушка упала не раздеваясь, и сил вновь встать уже не было. Она скинула обувь и свернулась калачиком.

– Где же ты, Стейнер? – прошептала Хьелльрунн в темноту, но ответа не получила.

6

Стейнер

«Циндерфел стоит на северо-западном побережье Нордваста и потому имеет особую важность. Здесь корабль по пути к Владибогдану встаёт на причал в последний раз, этот город – последнее, что видят многие меченые дети. Год за годом мы провозим множество детей на глазах у жителей Циндерфела. И я тревожусь, что восстание, если таковое случится, произойдёт здесь или поблизости. Мы должны быть настороже».

Из полевых заметок иерарха Хигира, Зоркого при Имперском Синоде

Стейнер не собирался опаздывать. Кажется, весь Циндерфел набился на пристань, чтобы поглазеть, как его увозят. Молодой кузнец спустился наезженной дорогой к побережью, даже не заглянув домой. Он не испытывал ни малейшего желания разговаривать с людьми, которые бросили его в лапы судьбе, поджидающей на острове. Алый фрегат ещё не снялся с якоря, и шлюпки везли с берега единственный его груз – отмеченных колдовской меткой детей, которых собирали по всей Империи и везли со всех Обождённых республик. Небо напоминало перевернутый карьер, затянутый грубо-серыми облаками, колючими и опасными.

– Вот он! – раздалось из глубины толпы.

Люди обернулись и подались в стороны. В голове у Стейнера пульсировала тупая боль, и внутренности ей вторили. К одежде прилипли соломинки, выдавая, что ночь он провёл в стойле, и лучше никому не знать, в каком именно.

– Да ты не торопись, – прокаркал кто-то.

– Уже почти всех перевезли, – добавил другой.

– Думали, ты сбежал, – сказал третий.

– Не обращайтесь внимания, – отозвался Стейнер. Все чувства будто онемели, поэтому и ответ вышел недостаточно язвительным.

– Что, язык проглотил? – осклабился мясник Хокон.

Люди шарахались от юноши, будто боялись заразиться колдовством. Мужчины, женщины, кучка ребятни – все наблюдали за ним, а некоторые вслед целовали пригоршню пальцев – древний знак, чтобы отпугнуть зло. Стейнеру хотелось грязно ругаться. Хорошо, что Кристофин не пришла. Больше в Циндерфеле он не доверял никому, и лучше бы ей не видеть, как его забирают.

На пирс местных жителей не пускали – шестеро солдат стояли заслоном против отчаянных родителей, только до сих пор ни один человек со всех Обожжённых республик не последовал за своим ребёнком. Иерархи Хигир и Ширинов, скрестив руки и сгорбившись, поджидали Стейнера.

– У мальчишки сильный дух, как я и говорил, – проговорил Хигир глубоким голосом. Нахмуренные брови на бес-

чувственной маске по-прежнему пугали.

– А я уже собирался уничтожить дом кузнеца, – раздалось из-за серебряной маски.

– Жаль, что вам пришлось ждать на холоде, – отозвался Стейнер. – Мороз плохо действует на старые кости.

Ширинов подался вперёд и поднял руку.

– Стейнер! – раздалось из толпы.

Иерарх замер и обернулся на крик, но юноша не повернул головы. Он и без того узнал голос.

– Стейнер, я тебе кое-что принёс. – Слова Марека звучали мольбой, но отвечать не хотелось. – Прощу, сынок.

Он сердито глянул назад и увидел кузнеца и рыбака, которые плечом к плечу стояли по ту сторону заслона. Хьелльрунн видно не было, что было и к лучшему, когда рядом Зоркие. Марек протянул сыну суконный мешок.

– И что мне с ним делать?

– Пригодится в пути, – отозвался Марек с болью в лице.

– Оставь себе, – рявкнул Стейнер. – Мне от тебя ничего не нужно.

– Стейнер, мне жаль. – Голос отца дрогнул.

– Всё это я делаю не ради тебя, а ради Хьелль.

– Стейнер... – Марек выглядел подавленным, но в душе Стейнера уже не осталось места для жалости. Он круто развернулся и зашагал в конец пирса, подальше от солдат и полных отчаяния глаз отца. В ушах плескался шум Призрачного моря, тишину разрывали насмешливые крики чаек.

– Повернулся спиной к семье? – Рядом возникла выщербленная бронзовая маска, пугая хмурым выражением.

– Вам-то какое дело?

– Часто те, кого мы увозим, до последнего цепляются за прошлую жизнь. – Хигир оглянулся на толпу. – Ты не из таких.

Стейнер пожал плечами, глядя, как с корабля на воду спускают шлюпку.

– А ты – противоречивая натура, не правда ли? – добавил иерарх.

– Я бы скорее назвал себя простым парнем, если узнать поближе.

– В чём же это выражается?

Стейнер вплотную подошёл к Зоркому.

– Улыбаюсь, когда счастлив, и хмурюсь, когда зол. Я не прячусь за масками.

– Вскоре и ты изменишься. Думаю, тоже наденешь маску. – В словах иерарха почудилась насмешка.

– Она мне не нужна.

– Идём, дитя, – позвал Хигир. – Время отплывать.

– Я вам не дитя, – сквозь зубы прорычал Стейнер. – У меня есть имя.

В заливе гулял ветер, и казалось, что он подгоняет людей, по трое и четверо бредущих вдоль побережья, как хрупкие осенние листья. Стейнер в последний раз оглянулся в сторону пирса и увидел, что Вернер уводит Марека, и толпа рас-

ступается перед ними. В каменной пустоте, заполнившей душу, вдруг ярко вспыхнул гнев. Закапал мелкий дождь, и море вокруг зашелестело.

Ширинов куда-то исчез, и Стейнер, плечами растолкав угрюмых детей, сошёл с пирса и устроился в лодке под их сердитыми взглядами. Он отчаянно старался не потерять самообладания и, склонив голову, до боли стиснул кулаки.

В ушах эхом отдавались слова: *Всё это я делаю не ради тебя, а ради Хьелль*. Он готов на всё, чтобы сестра не попала в лапы Империи с её Зоркими.

Вода капала с носа и струилась по вискам.

Зато никто не увидит, если он заплачет.

Четверо сильных молодых солдат помогли иерархам сесть в лодку и забрались следом. Ширинов сперва разразился кашлем, а когда качка закончилась, тут же задремал.

На полпути к фрегату, покачиваясь на тёмно-зелёной воде, они разминулись с другой шлюпкой, которая шла к каменному пирсу, а на её носу бесстрашно стояла Ромола. Гребцы кисло посмотрели на иерархов и мрачно оглядели Стейнера.

– Ромола? – изумился тот.

– Виделись прежде? – распевно спросил Хигир.

Стейнер кивнул.

– Она работает на Империю? – спросил он, злясь, что ввязался в разговор с Зорким.

– В некотором роде.

– В том же роде, как и убийство детей? – с вызовом спросил Стейнер.

– Твоя смелость вскоре иссякнет. – Хигир подался вперёд. – Владибогдан меняет всех.

* * *

Все романтические представления о плавании на корабле, которыми Стейнер себя тешил, быстро растворились. Не успел он оглядеться, как уже оказался в заточении. Сидений здесь не было, только старые ящики, а ещё запах морской воды и темнота. От едкого холода спасались вытертыми покрывалами, которые кишели вшами, и дети с визгом их стряхивали. Трудно было сосчитать всех заключённых в этой мрачной темнице. Корабль стонал и скрипел, и непривычный к этому Стейнер старался согнать с лица тревогу. Качка никак не отразилась на похмелье, и юноша, устроившись между ящиков, закрыл глаза.

Первое Испытание проходило в десять лет, последнее – в шестнадцать, когда заканчивалась школа. Многие бросали занятия гораздо раньше, но всё равно проходили Испытание. Стейнер слышал истории, как хитрые родители отправляли детей в отдалённые деревни, где не было школ, подальше от хищных глаз Империи. Но все их усилия так или иначе шли прахом. Синод широко раскинул свои сети, и его служители рыскали по континенту, отправляясь на север и запад, пока

наконец всех детей не собирали в Циндерфеле под охраной солдат.

Стейнеру вспомнилось, что вчера вечером сказал отец:

Правда в том, что детей на острове не казнят. Во всяком случае, мы так полагаем.

– Я ещё жив, – произнёс Стейнер вслух, ни к кому не обращаясь.

В ответ он слышал плач и, открыв глаза, увидел мальчика лет десяти, который, съёжившись, сидел на корточках. Светлые волосы выдавали уроженца Шанисронда, а испуганные глаза выделялись на фоне пухлых смуглых щек.

– Привет, – сказал Стейнер. – Возьми покрывало.

Мальчик покачал головой.

– Как тебя зовут?

– М-максим.

– Почему не хочешь принять покрывало?

Максим махнул рукой на груды ящиков, где на самодельном троне восседал белобрысый паренёк.

– Он не разрешает.

Стейнер поднялся и размял плечи. Он чувствовал на себе взгляды и вдруг осознал, что старше остальных минимум на пару лет и уж точно крупнее всех.

– Жди здесь, – велел он Максиму.

Мальчик кивнул, и его нижняя губа задрожала.

Стейнер пересёк темницу, переступая через жмущихся друг к другу детей, и остановился перед грудой ящиков.

На самой вершине, подстелив дюжину покрывал, устроился парнишка с крайне заносчивым видом.

– И кто же у нас здесь? – Стейнер вопросительно вскинул бровь.

– Аурелиан Бревик... Мой отец – самый богатый человек в Хельвике, и скоро меня отпустят. – Мальчишка улыбнулся. – Отец договорится с имперцами, и я вернусь домой.

– Неужели, сын хельвикского толстосума?

– Разумеется. – Аурелиан брезгливо выпятил губу. – Это ошибка. У меня нет колдовской метки, как у этих оборванцев. Или как у тебя.

Сыну богача было около шестнадцати. У него был взгляд холоднее северного ветра, и одежда из выкрашенной в алый цвет овечьей кожи, красивая и дорогая. А тяжёлые ботинки казались новыми и крепкими.

– Не хочешь поделиться покрывалами? – предложил Стейнер.

– Пожалуй, нет, – ответил Аурелиан.

– Послушай-ка. – Молодой кузнец понизил голос. – Я мучаюсь от похмелья и только что потерял всех, кем дорожил. Мой запас терпения уже на исходе.

– У меня уже коленки трясутся, – фыркнул самопровозглашённый тиран.

Мальчишка встал, и улыбка сползла с его лица. Сидя на троне, он казался выше Стейнера. Теперь же они стояли лицом к лицу, но Аурелиан явно не собирался отступать. День-

ги никогда не отступают.

– Ползи прочь, как и положено бедняку, и я прощу...

Договорить он не успел – Стейнер выбросил кулак, разбив ему нос и подбив глаз. Всхлипнув, Аурелиан рухнул навзничь с трона и прижал руку к лицу.

– Как ты посмел?

– Легко, – ответил Стейнер. – И посмею ещё, если не замолкнешь.

Он забрал с деревянного трона покрывала и стал раздавать тем, кто остался без них.

– Потряси. Страхни вшей, – велел он одному. – Успокойся, утри слёзы, – сказал другому. – Возьми, – и протянул одеяло Максиму.

И вот уже пятнадцать лиц с мольбой обращаются к нему, почувствовав защитника и стараясь быть ближе.

– Фу, – плюнул Аурелиан, сидя в другом конце темницы, но на большее не отважился.

Стейнер устроился среди новых подопечных, потёр сбитые костяшки и прокашлялся.

– Ладно, хорош реветь. Знаю, весёлого мало, когда забирают от семьи. И понимаю, что вам страшно. Хель, я и сам боюсь.

Подошли ещё дети.

– Как нас убьют? – спросила до боли худая девочка не старше одиннадцати.

– Не знаю, – ответил Стейнер. Ему хотелось пообещать,

что их вовсе не убьют, но грош цена таким обещаниям. – Знаю лишь, что нас везут на остров под названием Владибогдан. Нужно держаться вместе, действовать вместе, друг без друга пережить это не выйдет.

Непривычно, когда каждое твоё слово ловят на лету. Всю жизнь он был сыном кузнеца и братом чудной девчонки. Учителя в школе редко его замечали. Только Кристофин по-настоящему обратила на него внимание. Вспомнив о ней, юноша болезненно сморщился – больше они не увидятся. Он потряс головой и откашлялся.

– И чтобы такой глупости я больше не видел. – Он кивнул на Аурелиана. – Мы – всё, что у нас осталось.

Младшие дети устроились рядом со Стейнером, а старшие разбрелись по темнице, примкнув к остальным группам. Максим свернулся калачиком и, положив голову кузнецу на колени, уснул.

Когда Хьелль было пять-шесть лет, она вела себя так же. От воспоминаний у Стейнера навернулись слёзы – слёзы горечи и утраты.

– Почему же ты скрывала, Хьелль? – прошептал он.

Парень долго сидел, понуриив голову, и терзался. Затем вдруг остро ощутил чужое присутствие и, вскинувшись, увидел Ромолу, которая выглядывала из-за угла. Сейчас она не улыбалась, как в Циндерфеле, и ничем не показывала, что узнала его.

Открытая вода Призрачного моря оказалась вовсе не такой безмятежной, как ожидал Стейнер. Волны бились о корпус, и корабль кренило и качало. Кое-кого из детей затошнило, и темницу наполнил явный запах рвоты.

– Спаси меня, Фрэйа. – Стейнер заткнул нос. – Надо же было вчера напиться.

Максим сонно приоткрыл глаза.

– А?

– Ничего. Но если стошнишь на меня, я выброшу тебя за борт.

Максим серьёзно кивнул, как бы говоря, что на месте Стейнера поступил бы так же. Затем мальчик теснее свернулся и вновь уснул.

– За сколько вообще фрегат проходит двадцать миль? – пробормотал юноша, и тут с верхней палубы спустился один из членов экипажа.

Это была суровая с виду женщина в чёрном платке и почти совсем выцветшей рубашке. Но больше всего Стейнеру приглянулись её штаны в широкую чёрно-белую полоску.

– Отличные штаны.

– Спасибо. Ты – Стейнер?

– У меня неприятности?

– Тебе виднее. – Морячка пожала плечами. – Капитан хо-

чет тебя видеть. Иди за мной, и чтобы без фокусов. Мы уже в пяти милях от Циндерфела, вряд ли ты столько проплывёшь.

Стейнер склонил голову к плечу и задумался.

– Я не шучу, – сказала она. – Течение сильное и вернее всего тебя вынесет в Шанисронд. Но сперва рыба пару месяцев будет объедать твой труп.

Молодой кузнец бережно переложил спящего Максима.

– Я быстро, – пообещал он, когда мальчик захныкал.

– Не знала, что у тебя младший брат, – заметила морячка.

– Как и я.

Вслед за женщиной Стейнер взобрался на палубу. Ромола наверняка подслушивала, когда он говорил с детьми, и непременно доложила об этом иерархам. Только новой беседы с Хигиром и Шириновым ему не хватало – если вдруг они поймут, что колдовская метка чудесным образом испарилась, то вышвырнут его за борт. Страхи тяжело оплетали его, словно канат, намокший от тумана и морских брызг.

– Пришли, – сказала морячка. Она большим пальцем ткнула в сторону двери, но корабль вдруг накренился, и она была вынуждена схватиться за стену.

– Сколько ещё плыть? – спросил Стейнер.

– Ветер против нас, ворон и то летит быстрее.

– Какой он? – спросил Стейнер.

– Кто?

– Капитан. Какой он?

Морячка улыбнулась.

– Сам увидишь.

С этими словами она открыла дверь и втолкнула его в тёмный кабинет.

Стейнер

«Дорого обошлось Винтерквельду восстание. Многие погибли – как мужчины, так и женщины. Стоит отметить, что на зов революции отозвались не все – не встали против драконов спригганы, заполонившие леса, словно грибы. Вот почему они никогда не были и не станут частью Империи».

Из полевых заметок иерарха Хигира, Зоркого при Имперском Синоде

В каюте хранился целый арсенал любопытных вещей, собранных со всего Винтерквельда. Здесь тебе и кружка с отчеканенным гербом Ваннеронда и костяной кинжал с рукояткой из кожи ящерицы, а на полу расстелен ковёр из шкуры яка. Два фонаря из цветного стекла заливали кабинет красным и синим светом. Но больше всего Стейнера очаровала музыка.

Сидя спиной к юноше, Ромола брэнчала по струнам длинного инструмента с округлым корпусом. Спокойная мелодия передавала истинную глубину её печали. Каждая нота являла собой крошечное чудо; с каждым аккордом слышалась песнь грёз.

В Циндерфеле ни у кого не было денег на подобные изыс-

ки. Да что уж изыски – в студёные зимы людских грошей не хватало даже на еду. Музыка в Циндерфеле рождалась лишь из воодушевляющих песен, хлопков для поддержания ритма, топота и хриплых завываний. Инструменты – это нечто за гранью фантастики.

– Откуда взяла такую вещицу? – шёпотом спросил Стейнер.

Ромола оторвалась от игры и краем глаза посмотрела на парня.

– У бывшего возлюбленного. Это домра. – Грустная улыбка коснулась губ чужестранки, и она вздохнула. – Наши пути разошлись, когда я узнала, что он утаивает от меня правду.

Волна грусти нахлынула на Стейнера: он вспомнил о признании отца в кузнице и откровении Хьелль. Да ещё и Вернер своими тайнами насыпал соли на свежую рану.

– Понимаю... – сказал он.

– Я даже не попрощалась, – добавила Ромола, глядя в тёмный угол кабины. – Схватила кошелёк и домру и ушла без оглядки.

– Мне жаль, – посочувствовал Стейнер. – Трудно, когда...

– Вся наша жизнь – это партия в карты с большими и малыми ставками. – Ромола склонила голову набок. – Никогда не знаешь, чем всё обернётся.

Стейнер понимающе кивнул. Карты были ему не по нраву, но чувства морячки знакомы хорошо.

– Когда я встречусь с капитаном? – Его мысли вернулись к

каменному причалу, где на прощание он одарил семью гневными взглядами.

Ромола не смогла скрыть веселья.

– Капитана? Неужто парнишка Стейнер ожидал увидеть здорового мужчину с длинной бородой и попугаем на плече?

Чужестранка встала и сделала реверанс.

– Ты?

– Боюсь, деревянной ногой я тебя тоже не порадуя. – Она расплылась почти в насмешливой улыбке.

– погоди, но ты ведь рассказчица?

– Ага. По выходным. – Ромола осторожно положила домру на кровать. – Иногда приятно сойти на берег. В каждом городе я провожу одну ночь вне каюты корабля. Какой смысл в плавании, если нельзя посмотреть на мир?

– Да разве в Циндерфеле есть на что смотреть?

– О! Хотя в чем-то мы солидарны. – Прищурившись, капитан села и откинулась на спинку, закинув ногу на колено.

– Чего не сказала при встрече, что ты – капитан корабля? – Стейнер сузил глаза. Появилось ощущение, что его обвели вокруг пальца. Хотя... какая теперь разница.

– В чём смысл? Люди вряд ли отблагодарят за то, что я привела имперцев к их берегам.

– Раз уж обмолвилась, объясни, зачем ты привезла Ширинова и Хигира в Циндерфел?

– А в чём, думаешь, цель людских деяний? – пожала пле-

чами Ромола. – Деньги. Они даровали мне прекрасную репутацию в Империи.

Сжав кулаки, Стейнер отчаянно пытался придумать ответ.

– Ты благородно поступил в трюме с детьми, – заметила капитан.

– А ты уж, наверное, успела доложить Ширинову и Хигиру.

– Ошибаешься. Я не имею привычки болтать впустую. – Ромола налила себе стакан вина. – Но тебе следует быть осторожнее с нелестными высказываниями в сторону Империи. Людей и не за такое убивали.

Стейнер кивнул. Трудно спорить с истиной.

– Но как же тогда рассказчица выжила в Сольминдренской империи? Если Ширинов услышит, как ты рассказываешь сказки о драконах и...

– Они в Империи запрещены, а не в Обожжённых республиках. Это одна из причин, по которой я променяла воды Пепельного залива на Холодеющий океан.

– Получается, ты отказалась от жизни пирата, чтобы стать наёмницей Империи?

– Как же ты молод, – улыбнулась Ромола. – Молодым всё вокруг кажется чёрно-белым. Подожди несколько лет, потом всё поймёшь.

Стейнер огляделся, заметив рамку с иллюстрацией чёрной птицы.

– Резная фигура на носу корабля – это ворон? – полюбо-

пытствовал юноша, стремясь сменить тему разговора.

Ромола кивнула.

– Имя корабля – «Надежда Дозорного». Остаётся надеяться на благосклонность Фрейны. Хотелось бы, чтобы она сберегла нас от несчастий. – Капитан сунула руку под кресло и вытащила увесистый мешок. – Возьми. Мой старый знакомый настоял, чтобы я взяла его на борт.

Стейнер приблизился и узнал отцовский мешок, от которого отказался в Циндерфеле. Вслед за волной облегчения и сожаления нахлынула обида от предательства родных. Неужели они решили, что он настолько глуп или слаб, чтобы стать шпионом? Он уже давно не дитя.

– Возьми мешок, – велела Ромола, заметив его нерешительность.

Корабль накренился и подтолкнул Стейнера в сторону капитана. Из суконного мешка выглядывала деревянная ручка. Он потянул рукоять на себя и увидел большое металлическое навершие.

– Вернер передал, – объяснила Ромола. – Молот твоего прадеда.

Моргнув, Стейнер поднял кузнечную кувалду. Деревянная ручка была отполированной, хотя сам металл уже потускнел. Не самый видный подарок – всего лишь простой инструмент для простой задачи. Но подарки на том не закончились. Пошарив внутри, Стейнер нашёл пару тяжёлых башмаков.

– А эти – твоей матери, – добавила Ромола. – Судя по размеру, она была наполовину огром¹...

– Огров не существует, – усмехнулся юноша.

– Верно, – согласилась капитан, отводя взгляд. – Теперь уж нет.

Стейнер проигнорировал комментарий, не сомневаясь, что Ромола шутит. Его мать собственноручно зашнуровала ботинки и носила в холодные дни и во время долгих прогулок. Не башмаки, а произведение искусства. На его ноге они доставали до самых икр.

– У нас ноги одного размера, – пробормотал он.

– Что ж, вероятно, ты тоже наполовину огр, – с улыбкой заметила Ромола.

– Едва ли.

– Ты ещё молод – всё впереди.

– Что, во имя Фрейны, я должен с ней делать? – Стейнер указал на кувалду.

Ромола отмахнулась от вопроса.

– Я всего лишь посланник.

– Мне на острове этим пользоваться? Что будет, когда мы туда доберёмся?

– Я не знаю. Да и если бы знала, за раскрытие тайны – голова с плеч.

– Прошу, Ромола, поведай, что будет дальше – казнят нас, утопят или...

¹ Огр – великан-людоед. (Здесь и далее прим. пер.)

– Я не знаю, правда. Дальше сторожки в конце лестницы я не заходила.

– Лестницы? Какой ещё лестницы?

– Сам увидишь. – Ромола склонила голову набок и улыбнулась. – Почему бы тебе не подняться на палубу и не подышать свежим воздухом?

– А как же Зоркие?

– Они спят или опустошают набитые желудки.

– Не продолжай... – Стейнер поднёс руку ко рту.

– Когда тебе станет печально, посмотри на Ширинова, – заметила Ромола, едва сдерживая смех.

Стейнер последовал за капитаном и вышел из трюма на палубу. Перед ним открылся вызолоченный горизонт. Ярче всего солнце светило на рассвете, но днём небо Нордвласта скрывало светило за серой пеленой.

– Я остался невысокого мнения о твоём корабле, – признался Стейнер. – За всю ночь мы прошли лишь двадцать миль.

– Вот уж не мечтала перевести разговор в это русло, – фыркнула Ромола. – Давай поднимемся на шканцы. – Она взяла штурвал у мрачного моряка с плохо зажившим шрамом, рисуящим на лице постоянную насмешку. Матрос проигнорировал гостя и ушёл прочь.

– Уж не родственник ли он Хокона, – прокомментировал Стейнер.

– Печально известный мясник в Циндерфеле? – улыбну-

лась Ромола. – Кстати, Кристофин – красивая девушка. Вы двое... – Капитан выгнула бровь, и Стейнер почувствовал, как запылали его щёки.

– Похоже, всё закончилось до того, как успело начаться, – огорчённо проговорил юноша.

Он понял, что потерял больше, чем просто семью, и волна горечи затопила его.

– Если увижу её, то передам, что ты цел и невредим.

– А буду ли я? – Стейнер покачал головой. – Буду ли цел? Ромола пожала плечами.

– Всё от тебя зависит.

– А мой отец? Ты успокоишь его?

Чужестранка кивнула.

– Мы с твоим отцом старые друзья. Только болтать об этом не вздумай. – Капитан сурово глянула на парня, что противоречило её обычному насмешливому добродушию.

На языке у Стейнера крутилась добрая дюжина вопросов, но взгляд Ромолы дал понять, что ответов ему не видать, как своих ушей.

Пока корабль дрейфовал по бурным волнам, они молча стояли на палубе. Юноша крепко держался за перила и старался сдерживать дрожь. Может, это последние моменты свободы, и стоит ухватиться за них обеими руками.

Ромола покачала головой и указала в море.

– Северные острова. На них с Циндерфела устремляются страшнейшие бури.

Стейнер прищурился и увидел вдали пару дюжин чёрных скал, восстающих из морских глубин. Некоторые казались стройными, как огромные клыки, другие – приземистыми, потрескавшимися. Крупнейшие вершины сформировали внушительную массу, которая доминировала над морем, запуская в небо каменные глыбы и пуская из невидимых отверстий струйки дыма.

– Вулкан? – предположил молодой кузнец.

– Нет, не вулкан, – возразила Ромола. – Дым образовал вокруг острова тёмный ореол. Чем выше к небесам, тем ярче он окрашивает небо в тёмно-серый цвет.

– Владибогдан, – прошептал Стейнер.

– Верно.

В тени острова рассказчица умерила веселье.

– Боюсь, это твой новый дом.

Среди массивных чёрных скал не виднелось и намёка на жильё. Да разве там можно жить? Ромола отдала несколько приказов, и корабль встал на курс вокруг острова.

– Что-то мне подсказывает, что нового матроса ты не ищешь, – буркнул Стейнер. – Знаешь, я настоящий труженик.

– Хорошая попытка. Слушай, ты мне нравишься, но наши пути должны разойтись. – Ромола повернула штурвал, и «Надежда Дозорного» устремилась по каналу между Владибогданом и Северными островами. Здесь пепельная завеса казалась ещё темнее и более зловещей.

– Было бы неплохо, утони весь этот остров в волнах, – подметила капитан.

– И, желательно, до того, как я ступлю туда ногой, – уточнил Стейнер.

По мере приближения скалы становились всё выше, пока в задней части острова не открылась широкая бухта с чёрными песками и темноглазыми сторожевыми башнями. Чайки дрейфовали на утреннем ветру, взывая к режущему волны кораблю скорбными криками.

– Что теперь? – спросил Стейнер.

Ромола пожала плечами.

– Не знаю. Я никогда не ступала на земли Драгмактской академии.

Юноша удивлённо поднял бровь.

– Я ничего об академии не слышал.

– Всё сам увидишь, как только доберёмся. – Чужестранка нахмурилась, переживая, не сболтнула ли лишнего.

– Академия. Только этого мне не хватало. – Стейнер покачал головой и вздохнул с тревогой.

– Она как-то связана с Зоркими, – добавила Ромола. – Я пыталась узнать больше, но дальше сторожки мне не попасть. Они не жалуют любопытных глаз.

– Академия, – повторил Стейнер с закравшимся подозрением.

– Лучше тебе спуститься, – велела капитан.

«Надежда Дозорного» зашла в бухту, и остров отбросил

на корабль тень, вытеснив собой небо.

– Тебя не должны здесь застать. Уходи.

Молодой кузнец направился в трюм, стараясь проскользнуть как можно незаметней, но шансов на это оказалось ничтожно мало: широко распахнутые глаза детей уже горели любопытством. Послышались комментарии, что кто-то стал фаворитом капитана, но по большей части разговоры сосредоточились на увиденном. Стейнер отвечал на вопросы, умалчивая о главном. Неожиданно корабль сбавил ход, и постоянная качка от вод Призрачного моря больше их не беспокоила. Все глаза устремились на прямоугольник серого неба над трюмом, где скоро появятся лица солдат, которые позовут их на палубу и уведут на земли Владибогдана.

* * *

Бухта не отличалась большими размерами, и корабль остался покачиваться на тёмной воде, алея в тени под гранитными скалами. Солдаты переправили детей на каменный пирс и велели ждать, как будто имелись желающие скорее ступить на чёрные пески и броситься бежать вверх по длинной лестнице.

– Пусть Фрейна тебя милует, – напутствовала Ромола.

– Храни тебя Фрëйа, – ответил Стейнер.

Было странно говорить о древних богинях с человеком из Шанисронда, однако он почувствовал, что слова её были ис-

кренни.

– Не знала, что ты веруешь в древних богинь, – удивилась Ромола.

– Не верую, но сейчас любая удача пригодится.

– Советую не упоминать их на острове, – предупредила капитан, – иначе не избежать тебе строгого наказания.

Иерархи Хигир и Ширинов сошли с корабля последними. Если кто-то из них и был моряком, то скрывал этот факт безупречно. Старики медленно направились к пирсу, где имперцы с горем пополам затащили их наверх. С широко открытыми глазами и едва дыша, дети наблюдали, как мужчины в масках проталкивались через давку.

– Что теперь? – прошептал Максим.

– Крутой подъём. – Стейнер кивнул на бесчисленные ступени.

Глаза мальчика расширились, но не по той причине, которую предположил Стейнер – затянута в перчатку рука Ширинова взметнулась и болезненно рассекла губу.

– Молчать! Не знаете, что есть дисциплина? – Улыбающаяся маска иерарха повернулась к остальным детям. – Вас здесь быстро научат послушанию! Вы усвоите, что потребности Империи всегда превыше собственных!

Голова Стейнера кружилась от удара, но он твёрдо стоял на ногах. Облизывая окровавленную губу, пострадавший юноша не сводил взгляда с Зоркого.

– Лучше тебе укротить столь мрачный взор, дитя.

– Мой взгляд станет наименьшим из ваших бедствий, – кривясь от боли, буркнул Стейнер. – И я вам не дитя.

Ширинов вновь поднял кулак, но Хигир тотчас поймал его за руку.

– Хватит, брат, уж больно много ему почестей, – вмешался Зоркий в нахмуренной маске.

Ширинов отстранился.

– Слава Императору, что мы наконец вернулись, – добавил Хигир со вздохом.

Неожиданно вокруг его стоп вспыхнул огонь, облизывая камень языками пламени. Дети завизжали – кроме нескольких ребят, которые выглядели потрясёнными и даже виноватыми. Солдаты погнали их по лестнице, грубо выкрикивая приказы на сольском. Многие дети спотыкались, не зная, чего опасаться больше: открытого использования колдовства Хигиром или предстоящего изнурительного подъёма. Ширинов вышагивал спереди, пока его товарищ присоединился к Стейнеру позади группы, освещая ступени ярким пламенем, так и танцующим возле его ног.

– Сестра любила сказания о подобном огне, – вспомнил Стейнер. – Она называла его «свечой покойного»².

Хмурая маска кивнула.

– Да, есть одна старая сказка о том, как в полнолуние злые спригганы выбирают из леса и бредут в темноте по своим

² Свеча покойного, или блуждающие (болотные, бесовские) огни, – редкие природные явления, наблюдаемые по ночам на болотах, полях и кладбищах.

делам.

– Да какие у них дела? – удивился Стейнер, устало поднимаясь по гранитным ступеням.

– Говорят, пригганы приходят на кладбища, усаживают на надгробия или пирамиды из камней, – хрипел за маской Хигир. – Эти существа поют страшные песни и вытягивают из покойных последние остатки жизни. А когда появляется крошечное пламя, прячут его под стекло и зажигают с его помощью фонари.

– Свечи покойных...

– Верно.

Стейнер взглянул на одежды Зоркого – они не опалились и даже не почернели.

– И вам под силу их потушить?

– Да, – заверил Хигир, – хоть и мало в этом приятного.

Группа поднялась выше. Скалы казались мёртвыми и безжизненными, никаких следов гнездящихся птиц или лишайников. Стейнер наблюдал, как Максим изо всех сил пытался переставлять ноги, пока одна скользкая, истертая временем ступенька его не подвела. Молодой кузнец поймал мальчишку за плечо, предотвратив тем самым долгое и, вероятно, смертельное падение. Двое парней оглянулись на чёрный песок бухты и основание лестницы. Даже Хигир обрадовался возможности остановиться и перевести дух.

– С-спасибо, – промолвил Максим, бросив взгляд на «Надежду Дозорного».

– Не медлите, – велел Хигир, указывая вперёд.

Мальчик закрыл рот и склонил голову. Они ступили под каменную арку, достаточно широкую, чтобы пропустить четырёх человек за раз. Те дети, которые не были окончательно измотаны подъёмом, застыли в изумлении. Весь остров занимала окружённая скалами огромная площадь со ступенями на каждой стороне, ведущими к высоким, как башни, высеченным в камне зданиям. Но взгляд Стейнера был прикован к дракону, который высился перед толпой детей. Он и понятия не имел, как может выглядеть древнее чудовище, ведь Сольминдренская империя запрещала любые изображения этих ужасных существ. Однако во всем Винтерквельде не найдётся иного названия для данного вида. Даже самые дюжие солдаты казались муравьями на фоне высоченного змееподобного тела на мощных лапах. В разверстой пасти виднелись острые, как сабли, зубы. Казалось, дракон застыл в измученном немом вое. Стейнер вздрогнул, когда заглянул в тяжёлый ониксовый глаз: его взбешённый блеск твердил о голоде и ярости. Языки пламени танцевали по бесчисленным чешуйкам, а крылья могли посоперничать с парусами «Надежды Дозорного».

– Да хранит меня Фрёйа... – выдохнул Стейнер.

Хьелльрунн

«Нетрудно предположить, что Император доверял в управлении лишь Зорким и Синоду, однако все властные структуры подвержены коррупции. Крепитесь же, Иерархи, в противостоянии искушению покинуть Империю. Ординариям, кто не заметил колдовскую метку, советую лучше выполнять обязанности, а тех, кто прибегает к убийству, призываю отказаться от привычки. Грешить – значит привлечь внимание Охранцев, ошибаться – стать целью всадников в чёрном». Из полевых заметок иерарха Хигира, Зоркого при Имперском Синоде

День явился Хьелль в бликах и вспышках, подобно солнечному свету, проникающему в глубины океана. Вот уже слышались голоса и неистовый лай собаки где-то вдали. Хьелльрунн лежала в покрывалах во вчерашней одежде, окутанная теплом и печалью. Веки оставались тяжёлыми, и ей никак не хотелось пробуждаться. Пусть Марек сам идёт за водой к колодцу, а Стейнер готовит завтрак. Ничего страшного не случится, если кухню выметет и печь растопит.

Стейнер.

Что за странное чувство, безымянное и горькое?

– Стейнер? – тихо позвала Хьелль, но ответа не последо-

вало.

Девушка перевернулась на бок и заставила себя встать. Она и раньше с трудом поднималась, но тут совсем обессилила.

– Стейнер, я, кажется, захворала.

Снова тишина.

В голове вместо мыслей витали семена одуванчика.

– Стейнер?

Одеваться нужды не было – помятая одежда ясно дала понять, что прошлой ночью Хьелль рухнула в кровать как подкошенная. Видать, день выдался долгим. И тут девушка застыла от внезапного озарения.

Испытание.

Хьелльрунн взметнулась с покрывал, и хотя бегом это не назовёшь, тело её делало всё возможное, чтобы нести ноги вниз по лестнице. Нет смысла обыскивать кузницу или кухню, поэтому девушка тотчас вылетела на улицу и бросилась к заливу с колотящимся сердцем. Солнце уже давно поднялось над горизонтом, спрятавшись за одеяло серого облака, что изо дня в день висело над Циндерфелом.

Как я могла проспать?

Хьелль бежала и бежала, с каждой секундой всё больше приходя в себя. Ледяной воздух рвал горло и лёгкие; пальцы горели от холода. Она и дождь не заметила, пока не поскользнулась на мокрой мостовой.

Как я могла забыть?

Она летела по улице, едва касаясь тёмно-серых булыжников. Мимо то и дело мелькали домики, чьи грязно-серые каменные дымоходы выбрасывали на волю пепельно-серые клубы дыма. В этом городе столько серого цвета, что Хьелльнутром ощущала, как он вымывал из её души жизнь и надежду.

Стейнер. Хьелльрунн неустанно думала о брате и, невзирая на боль в икрах, продолжала свой бег. Лёгкие горели, но она не останавливалась.

Стейнер. Девушка поняла, что его увезли, ещё до того, как достигла причала. Среди чёрных просторов Призрачного моря тёмно-красного фрегата не было видно. На пирсе, словно одинокий страж, стояла Кристофин с покрытой головой. Чайки голосили над ними, пока порывы ветра приносили ливни, словно бесформенных духов, стремящихся вернуться из моря домой.

– Нет его больше, – промолвила Хьелльрунн, не в силах ясно мыслить и говорить сквозь пелену слёз.

Кристофин повернулась и открыла было рот, но тут же закрыла, не в состоянии выговорить ни слова из-за дрожащих губ и катящихся из глаз слёз.

– Где все? – поинтересовалась Хьелльрунн. Смертельная тишина обрушилась на Циндерфел, и ни единой души, кроме Кристофин, не было видно.

– Дома, – уставшим голосом ответила девушка. – Все пришли поглазеть, как он уплывает. – Дочь трактирщика сде-

лала паузу. Хмурая тень омрачила её взор; мимолётная насмешка искривила прекрасные губы. – Пришли убедиться, что его забрали. Некоторые ждали, пока корабль уплывёт. А теперь вот разбежались по домам, поджав хвосты. – Кристофин взяла Хьелль за руку и повела в город в сторону таверны.

Хьелльрунн хотела поговорить, но разум опустел – слова никак не приходили на ум. Она удержалась, чтобы не разреветься навзрыд, но новые слёзы продолжали выступать с каждым ударом сердца, высыхая на лице, обжигая ледяным холодом.

– В «Тлеющем Знамени» засела пара десятков пьяниц, ещё часть – у моего отца, – уточнила Кристофин. – Остальные же сидят дома со своими родными.

– Конечно. Радуются, что беда обошла стороной, – буркнула Хьелль, пристально глядя вперёд и крепко держась за дочь трактирщика.

– Верно. Уже давно в Циндерфеле не случалось подобного. – Кристофин вздохнула. – Я каждый год наблюдаю, как забирают детей, но колдовскую метку всегда находили в чужих городах, чужих странах, у чужих людей.

– Да. Словно не касающийся нас несчастный случай, – заметила Хьелль, – как в тот раз, когда телега опрокинулась и убила возницу.

Кристофин остановилась и заглянула в глаза меченой.

– Хьелль, тебе нездоровится? Я понимаю твои пережива-

ния, но ты выглядишь... сонной...

– Скорее, отравленной, – перебила Хьелльрунн, вспоминая горький вкус молока. – Отец вздумал добавить в молоко снотворное, чтобы я не проснулась утром и не сказала им...

– Не сказала что?

Я бы взмолилась не забирать Стейнера. Я бы убедила их, что колдовская метка лежит на мне. Меня нужно было забрать на остров. Это моя вина и...

– Хьелль?

Слова Кристофин утомили глубокий океан вины и подводные течения стыда.

Хьелльрунн сглотнула и посмотрела собеседнице в глаза.

– Я хотела умолять не забирать Стейнера.

На долю секунды она усомнилась, что Кристофин поверила. Хьелль сглотнула и опустила взгляд.

– Родной отец напоил меня снадобьем, чтобы я не проснулась. А я ведь даже не попрощалась.

Поток слёз хлынул по щекам, хотя какое это имеет значение, если на улице дождь? Кристофин обняла Хьелль, и они продолжили путь в гору в таверну Бьёрнера.

– Мне нельзя внутрь, – возразила Хьелльрунн, вспомнив мрачные взгляды посетителей и давящее присутствие Хокона.

Склонив голову, Кристофин обошла таверну и провела девушку через боковую дверь. Их встретила маленькая, окутанная тьмой гостиная, где дочь трактирщика зажгла доро-

гой с виду медный фонарь.

– Обожди здесь. Хочешь, огонь разожги. Я приготовлю чай и принесу покрывало. Нужно тебя согреть и просушить одежду, иначе заболеешь.

Хьелльрунн только кивнула – от изумления даже улыбнуться не вышло. Никогда ей не доставалось столько заботы. Безусловно, Марек был хорошим отцом, но ввиду столь яркой практичности, нежностей он не жаловал, а ласковым становился, только сделав над собой усилие.

– Спасибо, – поблагодарила Хьелль с неуверенной улыбкой на худом лице.

– Скоро вернусь. – Кристофин вышла из комнаты и зашагала по скрипучей лестнице.

В гостиной располагались три кресла с уютными подушками и покрывалами. Здорово, наверное, иметь лишнюю комнату, помимо кухни и места для сна. Хьелль слышала гул голосов за деревянной стеной и заметила вторую дверь, которая, судя по всему, вела в таверну.

– Вот-те на! Невежда-недоумок, да ещё со скверной! – гаркнул один голос.

– Брось. Он не был недоумком. Да и что постыдного в безграмотности? – изумился другой. – Многие из нас отлично обходятся без знания букв.

Послышались угрюмые ворчания.

– Слышал, хворь эта в роду передаётся, – заметил Хокон – Хьелль узнала бы его грубый тон где угодно. – Нужно по-

глядывать за девчонкой.

– Она прошла Испытания, – возразил женский голос. – Оставьте её в покое. Бедняга брата потеряла.

– Помяни моё слово, – рявкнул мясник, – есть в ней что-то *надземное*.

– Неземное, дурень! – поправил другой, и комната наполнилась смехом.

– Хьелльрунн, ты побледнела, как призрак! – Кристофин вернулась с перекинутым через руку покрывалом. – В чём дело?

– Мне нельзя оставаться. Это небезопасно. Не знаю, о чём я думала, приходя сюда. Твой отец дал понять, что меня здесь не жалуют.

– Ты не приходила. Это я тебя привела, – тихо, но вызывающе заметила Кристофин. – Хьелль, ты только что потеряла брата, да ещё и продрогла до костей. Давай уже, снимай одежду и заворачивайся в покрывало.

Хьелльрунн не сводила с дочери трактирщика глаз – всего два года разницы, но пропасть колоссальная. Вновь навернулись слёзы, и скорбь камнем навалилась на грудь.

– Ну же, – прошептала Кристофин.

Скинув мокрую одежду и закутавшись в покрывало, девушка опустилась в кресло и прижала колени к груди.

– Сожалею о твоей матери, – принесла соболезнования Хьелль.

– О... – Кристофин покачала головой. – Уже год прошёл.

– Год назад мы не были знакомы.

Хьелльрунн сделала паузу, наблюдая, как дочь трактирщика развешивает одежду у камина. Затем она опустилась на колени и разожгла огонь, добавив в очаг несколько брёвен.

«Почему ты так добра ко мне?» – хотела спросить Хьелль.

С улыбкой на лице Кристофин уселась в кресло напротив.

– Странно, что ты маму упомянула. Я как раз вспоминала разговор со Стейнером. Он рассказывал, что ты не знала мать – да и он едва помнит. Должно быть, тяжело всё это.

Хьелльрунн кивнула, но говорить не стала. Разве Вернер не утверждал, что она пошла по стопам матери? Разве Марек не говорил, что колдовство выжигало меченых изнутри и лишало последних сил? Её мать вполне могла перейти в царство Фрейны.

– Почему ты так добра ко мне? – спросила-таки Хьелльрунн, едва слышно на фоне потрескивающего огня.

– Мне хорошо известно, что значит тосковать по человеку, – ответила Кристофин. – Мы с матерью не очень-то ладили, но я бы всё отдала, чтобы её вернуть. – Она наклонилась вперёд, поставила локти на колени и сомкнула пальцы. – Полагаю, ты чувствуешь подобное по отношению к Стейнеру. И маме.

Гул голосов в таверне стих. Хьелльрунн настороженно обернулась.

– Иди сюда, – позвала старшая подруга.

Она повела Хьелль к стене, где порода дерева образовывала глазок. Кристофин принялась ковырять выступ, пока от туда не вывалился предмет.

– Винная пробка? – заметила Хьелльрунн.

Дочь трактирщика кивнула, поднесла палец к губам и позвала заглянуть в отверстие. В полной красе предстал вид на таверну, хотя Хьелль и пришлось стоять на носочках.

За стойкой возвышался Бьёрнер, положив мускулистую руку на единственный полированный предмет мебели – столешницу. Стейнер любил пошутить, что трактирщик лучше следил за баром, чем за собой. Хокон прислонился к стене с пинтой в руках и угрюмо осматривал зал. Возле двери ожидали двое мужчин в чёрном, погрузив таверну в тишину одним лишь присутствием. Хьелльрунн отстранилась и махнула Кристофин, чтобы та заглянула в отверстие.

– Что налить? – в хмурой тишине слишком громко и вынужденно спросил Бьёрнер.

– Охранцы, – прошептала Кристофин, отстраняясь от потайного глазка.

– Имперские?

Она кивнула.

– Отец о них не рассказывал?

Хьелльрунн снова прижала глаз к отверстию.

– Он много чего не рассказывал.

Люди в чёрном скрылись из виду, но, судя по всему, не ушли. Посетители сидели с озабоченными лицами, бросая

взгляды украдкой и судорожно хватаясь за пивные кружки. Даже самые воинственные горожане притихли, как полевые мыши.

– Стража Императора. Его кровавая левая рука, – пояснила Кристофин.

– А как же имперцы?

– Имперцы – кровавая правая. Они как посыльные кулаки для обеспечения послушания.

– А кто же тогда Зоркие и Синод?

– Сердце Императора. В конце концов, Император – один из них.

– Император – Зоркий? – Хьелльрунн нахмурилась.

– Твой отец вообще ни о чём не рассказывает?

– Почему же? Он велит причесаться и вымыть посуду. Когда мы упоминаем Империю, он лишь хмурится. Учителя в школе и вовсе отказываются признавать государства к востоку от границы.

Снова заглянув в глазок, Кристофин закупорила его пробкой.

– Раньше к нам Охранцы не заходили. В Циндерфеле они ходят в «Тлеющее Знамя». С чего им ступать на наш порог?

– Вероятно, из-за случая в Хельвике, – предположила Хьелль. Её глаза устремились к двери гостиной, боясь появления Охранцев.

– Что за случай?

– Мне пора. – Хьелльрунн принялась натягивать всё ещё влажную одежду.

Кристофин сложила руки и краем глаза наблюдала, как одевалась девушка. На её обиженном лице ясно читалось неодобрение.

– Что случилось в Хельвике? – повторила дочь трактирщика, и все следы добродушия мгновенно испарились.

– Убили Тройку Зорких. Может, пропали без вести.

– Целая Тройка?

– Все трое. Странник поведал вчера утром, покидая город.

Хьелльрунн ненавидела лгать, но как иначе скрыть факт, что она знакома с убийцей?

– Тогда почему Охранцы не обыскивают Хельвик? Зачем нагрянули в Циндерфел? Почему они в таверну зашли?

Хьелль натянула башмаки и пожала плечами. Не было у неё желания выстраивать башню из лжи.

– Мне пора. – Всё, что она сказала.

– Ладно, – ответила Кристофин, – мне тоже пора за работу, иначе отец начнёт задаваться вопросом, где я пропадала.

– Спасибо за всё, – неловко поблагодарила Хьелльрунн, возясь с дверной ручкой.

Кристофин не отошла от камина, а лишь наблюдала за уходом сестры Стейнера укоризненным взглядом.

Хьелль брела домой. Ветер пронизывал небо; ледяной дождь омывал кожу. Непогода держалась ещё долгие часы.

9

Стейнер

«К истинному перемирию мы придём лишь тогда, когда Обожджённые республики откажутся от глупых убеждений об автономии и присоединятся к могучей Империи. Вместе мы уничтожим южные города-государства Шанисронда. А пока Империя ждёт наступления войны и шанса прославить своё величие».

Из полевых заметок иерарха Хигира, Зоркого при Имперском Синоде

Существо казалось неподвижным и невозмутимым, хотя внутри его явно бушевало пламя. Стейнер отвлёкся от гиганта и заметил, что послушники на площади стояли не одни – по всему периметру ждали и другие девочки и мальчики в возрасте от десяти до двадцати лет. Все казались унылыми и бледными от усталости, и носили спадающие до колен стёганные плащи в алую крапинку, тяжёлые ботинки и варежки. Стейнер догадался, что это те самые дети, кого разлучили с родными и близкими в прошлом году. Вот оно – живое доказательство отсутствия казни на Владибогдане. Одни дети сгорбились в дверях многоэтажных зданий, пока другие прятались в тени под ярко окрашенными навесами.

Солдаты вышли на площадь вслед за новоприбывшими,

заградив собой арку под сторожкой – теперь никому не бежать вниз к Ромоле, чтобы молить о побеге. Затем охрана отстегнула булавы и скрыла приготовленное оружие под складками плащей. Драконье пламя безудержно бурлило, но сам гигант не двигался с места.

– Статуя, – догадался Стейнер.

Шагнув вперёд, он поднял ладони. Огонь оказался реальным – даже с расстояния в несколько футов тепло ласкало его руки.

– Зато с мозгами, – подметил Ширинов, вышагивая сквозь толпу детей и тяжело опираясь на трость.

– Ты почти прав насчет статуи... – Хигир смолк, как только второй иерарх взревел на прибывших детей, требуя встать в три ряда под безумным взглядом дракона.

– Здесь какая-то ошибка, – убеждал Аурелиан. – Прошу, сообщите отцу. Обещаю, он щедро вас одарит, – елеинным голосом продолжил светловолосый мальчишка. – Право слово, нет у меня колдовской метки!

Ширинов в мгновение ока сковал ему руки – пусть знает, как стоять смирно.

– Многие годы вам вбивали в умы, что дети с колдовской меткой проходят *чистку*.

Иерарх сделал акцент на «чистке», чтобы ребята на дальней стороне площади ужаснулись от одного лишь слова.

– Нет, вас не убьют и не кремируют. Более того, вы останетесь в безопасности. Во всяком случае, вначале, – продол-

жил Зоркий. Как всегда его серебряная улыбка никак не сочеталась с угрожающими словами. – Вы станете следующим поколением Зорких, призванных служить Сольминдренской империи! Вы станете новой кровью Синода!

При упоминании Империи послушники на дальней стороне невольно выпрямились. Некоторые даже встали по стойке смирно, чуть ли не отдав честь.

– Вы добровольно пойдёте на службу или же исполните долг менее приятным и бесконечно долгим способом. – Ширинов поднял глаза на дракона, рассматривая гигантское тело, как произведение искусства. – Найдутся среди вас те, кто неохотно раскроет силы, а некоторые... – Зоркий остановился, сжав плечо Стейнера, – и вовсе останутся в неведении.

Иерарх сделал несколько шагов вперёд и склонил голову к Максиму.

– Но мы выявим живущую внутри вас скверну. Пусть ваше колдовство послужит во благо Империи!

– Нет, вы проверьте ещё разок! Говорю вам, вы увидите... Возражения Аурелиана оборвались: с расстояния в несколько футов Ширинов сбил его с ног.

Мальчик вскрикнул, и несколько детей инстинктивно вздрогнули. Все наблюдали с открытыми ртами и потрясёнными лицами – никому и в голову не пришло, что иерарх мог наказать так издалека.

– Ты явишь нам способности, – продолжил Ширинов, – как я явил свои. – Зоркий зашагал в сторону Аурелиана. –

По доброй воле... – Старик склонил серебряную маску над светловолосым мальчиком. – ...Или в принудительном порядке. Выбор за тобой. Надеюсь, ты примешь верное решение. Хотя... в ближайшие годы выбирать тебе не придётся.

– У тебя нет её? – шепнул едва слышно Максим.

– Чего нет? – удивился Стейнер.

– Метки. В трюме я у всех её почуял, но не у тебя.

– Молчи! – прорычал юноша.

Ширинов кричал на худенькую девочку, которая, казалось, была готова рухнуть в обморок.

Максим снова нахмурился.

– Скажи им. Они отпустят тебя.

– Вот ещё, – возразил Стейнер. – Теперь, когда я видел остров, нет мне пути назад.

– Расскажи, – убеждал Максим.

– Что именно? – прорычал Хигир.

Пока Ширинов оставался в поле зрения, продолжая распекать послушников, второй иерарх молчал, следуя за толпой, как привидение. Максим не заметил Зоркого, невзирая на множество языков пламени, танцующих вокруг его ботинок и подола плаща.

– Что рассказать? – повторил Хигир.

– Ничего, – отнекивался Стейнер.

Однако он понимал, что его скоро раскроют – Зоркие всё равно велят продемонстрировать метку, а когда он попытается, ничего не произойдёт. И вот тогда-то придётся столк-

нуться с последствиями. Что ему грозит? Может, Зоркие вернут его в Циндерфел? И заберут Хьелльрунн?

Ширинов шагал через площадь в их сторону, пока оба Зорких не оказались плечо к плечу, нависнув масками над непокорным Стейнером.

– Что рассказать? – заорал иерарх в серебряной маске так громко, что ребенок рядом с кузнецом захныкал.

– Ничего. Нечего мне рассказывать. Мальчик неправильно меня понял.

Ширинов повернулся к Максиму и плавным движением открытой ладони поднял его в воздух. Дети вокруг ахнули от изумления, пока несчастному оставалось только глазеть на землю в тошнотворном страхе.

– Что. Нужно. Нам. Рассказать? – повторил Зоркий.

– У Стейнера нет колдовской метки! Вы ошиблись... Ему не место среди нас. Отпустите его домой.

Максим зажмурился, и никто не заметил слёз в уголках глаз. Мальчик витал в семи футах от земли, дрожа от страха.

– Что? Ты только что обвинил меня в неспособности проводить Испытания? – прошипел Ширинов.

– Он не то имел в виду, – заступился Стейнер. – Парнишка ошибся.

– Ошибся? Зато я ошибок не делаю.

Сжав пальцы, словно когти, Зоркий схватился за нечто невидимое. В следующую секунду Максим взвыл от боли, прижал ладони к лицу и свернулся калачиком.

– Прекратите! – потребовал Стейнер.

Хигир молчал, но отпрянул от товарища, пока тот продолжал мучить ребёнка.

– Я прекращу, когда посчитаю нужным, – гаркнул Зоркий. – Хватка моя под стать хватке Империи, поняли?

– Я велел прекратить! – взревел Стейнер и ни с того ни с сего вытащил кувалду из мешка и занёс её над головой.

Гнев, печаль, разочарование – все чувства вырвались на свободу в порыве атаки. Кувалда устремилась в грудь Зоркого, но тот успел поднять руку, чтобы отразить удар. Стейнер ощутил сопротивление, заметил, как молот замедлил движение. В следующее мгновение орудие обрушилось на Ширинова и отбросило к разбежавшимся по углам послушникам. Трость иерарха свалилась на каменные плиты, следом упал Максим. Ударившись о землю, мальчик хрипло вдохнул и больше не шевелился. На площади воцарилась страшная тишина; взоры все обратились к Стейнеру, Ширинову и телу ребёнка.

Мерцание пламени казалось единственным движением на площади. Стейнеру почудилось, будто дракон больше не извергал огонь сам, а был охвачен им как сдерживающей сетью. Язычки призрачного пламени продолжали свой танец вокруг ног Хигира, пока нахмуренная маска поворачивалась из стороны в сторону.

– Стейнер. Ты что натворил?

С поднятыми булавами солдаты бросились вперёд, вот

только молодой кузнец не сдвинулся с места. Всё так же дерзко держал он молот. И волновали его вовсе не имперцы в шлемах с красными звёздами. Ширинов поднялся на ноги, прижав руки к рёбрам. Стекающая с уголка губ серебряной маски кровь подчеркивала неистовую жестокость улыбки.

– Я уничтожу тебя, – грозил Зоркий, вытянув руку. Столь лёгкий жест слишком противоречил ожидаемому результату.

Стейнер опустил глаза и был рад увидеть твёрдую почву под ногами.

– Что за Хель? – изумился Ширинов. Растопыбив пальцы, он вытянул обе руки, так и дрожа от напряжения.

Словно ветерок, сила Зоркого коснулась Стейнера. Тот не понимал, каким образом сопротивлялся, но оказался признателен за столь удачный поворот. Иерарх отпрянул, и, не теряя времени, ухватился за трость. Подняв руку, он больше не призывал силы, а просто отдал приказ:

– Взять его!

Солдаты с занесёнными булавами настигали. В ответ Стейнер вскинул кувалду, отдавая себе отчёт, что сможет уложить только одного.

– *Отставить!* – Раскатом грома приказ взмыл над площадью.

Солдаты отступили на два шага и замерли на месте.

Стейнер обернулся и увидел на лестнице громадного здания Зоркого. Следом спускались и другие, особенное внима-

ние привлекала фигура в волчьей маске. Однако кому принадлежал голос сомнений не вызвало. Многие послушники склонили головы, а Хигир и Ширинов вытянулись как по струнке. В глухой тишине раздался благоговейный шёпот:

Фельгенхауэр.

Коричнево-серая маска Зоркого имела угловатые черты, ни мужские, ни женские. Рот застыл в недовольной гримасе; взгляд был полон вопросов.

– Что за шум?

– Мальчишка ударил меня молотом, – доложил Ширинов.

– Я не с вами беседую, – ответила Фельгенхауэр мягко, несмотря на явный гнев.

Стало очевидно, что за угловатой маской скрывалась женщина, на дюйм-другой выше Стейнера. Она обладала длинными конечностями и стройным телосложением.

– Мальчик, я к тебе обращаюсь.

– Зоркий замучил ребёнка до смерти. – Стейнер указал на Максима, всё ещё распростёртого на булыжниках. – Я лишь пытался его остановить.

Женщина подошла к неподвижному мальчику, сняла толстую кожаную перчатку и нащупала пульс. Её плечи опустились, и Стейнер услышал за маской вздох.

– Он мёртв? – спросил юноша, но Фельгенхауэр промолчала.

Она медленно поднялась, собралась с мыслями и повысила голос:

– Я – Матриарх-Комиссар Фельгенхауэр. На острове вы будете выполнять *мои* приказы и вести себя под стать имперскому Зоркому. – Женщина сделала несколько шагов к Ширинову и взглянула на детей за его плечом. – От самых неопытных послушников до Ординарцев и священных Экзархов. – Она наклонилась ближе к Ширинову. – Вы – слуги Империи и обязаны соответствовать статусу. Я ясно выразилась?

Все присутствующие на площади кивнули, кроме Ширинова.

– Вам ясно? – тихо, но не менее угрожающе повторила Фельгенхауэр.

Иерарх в серебряной маске склонил голову.

– Само собой, Матриарх-Комиссар.

Фельгенхауэр вновь обратила внимание на Максима.

– В чём провинилось дитя? Чем подвергло опасности наше продолжительное существование?

Теперь, когда властная фигура женщины возвышалась над Максимом, он выглядел как никогда маленьким. Стейнер хотел броситься к мальчишке и сам убедиться, дышит ли он.

– Нелестно высказался, – фыркнул Ширинов. – Обвинил *меня* в ошибке.

– Ошибке? – удивилась Фельгенхауэр. – В чём, по его мнению, заключалась ошибка?

– Уверял, что у хозяина молота отсутствует колдовская метка.

– Это правда? – вознегодовала Матриарх-Комиссар.

– Помилуйте! Нет! – Ширинов поднял подбородок и сжал руки в кулаки. – У меня за плечами сотни Испытаний! Я сроду не ошибался!

Фельгенхауэр повернулась к Зоркому спиной, устремив сверкающий взор за угловатой маской на Стейнера.

– У тебя есть имя, дитя?

– Стейнер.

Женщина сделала паузу, будто его имя сбilo её с мысли.

– Откуда ты родом, Стейнер?

– Из Циндерфела.

Матриарх-Комиссар замолчала, чтобы обдумать следующий вопрос, но затем передумала и просто откашлялась. Взгляд её так потяжелел, что Стейнер невольно отвёл глаза. Фельгенхауэр обошла его кругом, как сделал и Ширинов на школьном дворе.

– Сольминдренская империя проповедует, что колдовская метка – это скверна, которую нужно бояться и презирать. – Её громкий голос донёсся до всех уголков площади.

Послушники и ученики внимали ей с благоговейным страхом.

– Так проще родителям отдать детей своих. Они сами желают от них избавиться – от вас. А что может Империя без колдовства?

Женщина кружила позади Стейнера, но он чувствовал на себе тяжесть её взгляда и физически ощутимый вес силы.

– Колдовская метка – это сила. Но, как вы знаете, за любую силу приходится платить. В ближайшие дни, месяцы и годы вы сами всё поймёте. Те, кто обладают величайшим даром, не видать вам отдыха. – Фельгенхауэр шла, не останавливаясь, пока снова не столкнулась со Стейнером и не уткнулась маской в его лицо. – Я вижу метку.

– Я же говорил! – обрадовался Ширинов, вытирая кровь с маски тыльной стороной руки.

– Так и есть, – добавил Хигир.

Стейнер сглотнул, чтобы смочить пересохшее горло, и недоумённо покачал головой.

Фельгенхауэр повернулась к двум Зорким, и молодой кузнец увидел их в полной красе: двое самодовольных стариков в потрёпанных одеждах.

– Опusti молот и снимай ботинки, – велела Матриарх-Комиссар, не поворачиваясь.

– Ч-что? – переспросил Стейнер.

– Я сказала: опusti молот и снимай ботинки! – взревела она.

– Я не глухой, – буркнул юноша.

– Да и не глупый, – ответила Фельгенхауэр. – Поэтому не смей мне больше перечить!

Стейнер выпустил из рук подарки, которые несколько часов назад вручила Ромола. Молот оставил на тротуарной плите лёгкую царапину. Один за другим Стейнер снял ботинки, и холод тут же скользнул сквозь потёртости шер-

стяных носков. Фельгенхауэр приблизилась, и кузнец перевёл взгляд на дракона, окутанного ужасным пламенем, лишь бы не заглядывать в пронзительные глаза Матриарха. Взяв башмак, женщина рассматривала его, как драгоценность или священную реликвию.

– Чудесные ботинки, – тихо признала она.

– Спасибо, – инстинктивно выпалил Стейнер. – Мать подарила, – неожиданно добавил он.

Фельгенхауэр повернулась к Ширинову и покачала головой.

– Глупец! Неужели вы не видите разницу между колдовской меткой и заколдованными ботинками? Сколько лет вы отслужили? Сколько десятилетий?

– Ботинки? – изумился Ширинов. – Какие ещё ботинки?

– Что? – простонал Хигир.

– У меня в мизинце больше колдовских сил, чем во всем теле этого мальчишки! – разгневанно произнесла Фельгенхауэр. – Как вы посмели допустить такую оплошность?

Хигир покачал головой, а Ширинов только развёл руками.

– Это недоразумение...

– Что, по-вашему, я должна делать с ребёнком без колдовской метки? – рявкнула Матриарх-Комиссар.

– Вообще-то я уже мужчина, – возразил Стейнер. – Мне исполнилось восемнадцать в прошлом...

– Заткнись, – тихо прорычала Фельгенхауэр.

– Откуда мне было знать, что он носит заколдованные бо-

тинки? – возмутился Широнов. – У крестьян нет подобных вещей! Я уверен, он не носил...

– Замолчи, – отрезала женщина.

Вперёд шагнул Хигир.

– Только самые высокопоставленные...

– Я сказала, молчать! – прорычала Фельгенхауэр.

Плечи Широнова опустились, и он обеими руками схватился за трость. Хигир съёжился за его спиной.

– Это беспрецедентно, – заявила Матриарх-Комиссар.

Другие Зоркие принялись совещаться: оскаленная волчья морда повернулась к Зоркому, личина которого представляла собой сплошной серебряный овал без единой прорези. Несмотря на отсутствие глаз у служителя Стейнер ощущал на себе его взгляд. Вокруг Зорких стоял лёгкий туман; вспыхивали пылинки серебристого песка.

Матриарх-Комиссар обратилась к Зоркому в серебряной маске.

– Сребротуман, возьми солдат и проводи мальчика в мой кабинет. Не выпускай его из виду. – Глаза Фельгенхауэр засияли за угловатой маской.

– Что теперь со мной будет? – спросил Стейнер.

– Ты поднял руку на члена Святейшего Синода. Такие преступления не остаются безнаказанными. А на Владибогдане, да будет тебе известно, наказания суровые.

Зоркий по имени Сребротуман подошёл ближе, поднял руку и жестом предложил Стейнеру последовать за ним.

Хьелльрунн

«Владибогдан испокон веков являлся логовищем Горекрыла – прародителя всех драконов. Именно здесь в эпоху Слёз состоялась финальная битва, положившая конец драконьей тирании и начало Стальному веку. События финальной битвы засекречены, поэтому история умалчивает о произошедшем между Императором, Горекрылом и самым доверенным стражем Императора».

Из полевых заметок иерарха Хигира, Зоркого при Имперском Синоде

Хьелльрунн стояла на кухне, сгорбив спину и обхватив руками живот. Сбежав от сурового взгляда Кристофин, она вернулась в опустевший дом. Лишь услышав кашель Марекка, Хьелль поняла, что отец лёг в постель.

Девушка стояла перед очагом, вот только огонь никак не согревал – казалось, Стейнер забрал с собой долю тепла. Она пристально смотрела в одну точку – ни близко, ни далеко. Больше не слышно в доме громких утренних потягиваний и покашливаний – привычка, которая так раздражала её в брате. Не предстанет он пред ней с серьёзным лицом и не растянется возле очага перед отходом ко сну.

Когда Марек спустился, Хьелль так и стояла, застыв в за-

мешательстве. Отец постарел за одну ночь: круги под глазами, бледное лицо, неуверенные шаги и сутулые плечи, некогда широкие и сильные.

– Ты подмешал в молоко снотворное, – упрекнула его дочь.

Марек не пытался лгать, а просто устало кивнул, не встречаясь с ней взглядом.

– Мы тревожились за твою безопасность. То, что мы сделали...

Отец шагнул вперёд, раскрыв безрадостные объятия. Хьелль ответила, но неохотно. Тянулись долгие секунды тишины, пока Марек не сделал резкий вздох. Девушка сначала решила, что он поранился, но тут отец начал всхлипывать; тихая дрожь от боли утраты охватила его тело. Лучше уж цепляться за тишину... Лучше цепляться за недосказанные слова...

– Разведи огонь, Хьелль, – прошептал отец, да так тихо, что Хьелльрунн едва расслышала.

Марек повернулся – пропала его привычная энергия, пропали уверенные шаги. Бесспорно, ноги отнесут его обратно в постель, где он останется до конца дня. Никогда бы прежде отец не позволил себе подобного. Это уже точно не тот мужчина, которого она знала, и не кузнец, которого почитали и уважали. Да что вообще ей известно о Марек Вартиаинене? Немного. Стейнер называл его шпионом, а Вернер подтвердил. Какие ещё тайны они скрывали?

Опустившись на колени возле очага, Хьелльрунн взяла дрова. Как же не хотелось ей оставаться в тоскливом плену этого дома. Огонь ожил в камине и превратился из струйки дыма в язык пламени. Спустя мгновение целый огненный хор затанцевал под каминной полкой.

– Ну уж нет, я здесь не останусь, – выдохнула она. – Точно не со шпионами, печалью и снотворным.

* * *

Небеса Циндерфела не щадили и теперь, когда брата не стало: море продолжало угрюмо накатывать на берег безудержными волнами. Хьелльрунн закрыла глаза, чувствуя дурное настроение воды – она ощущала его с момента отбытия корабля, как будто событие оставило шрам на Призрачном море.

– Хьелль?

В полудюжине футов от Хьелльрунн показался настороженно поглядывающий на неё Вернер. Как долго она стояла здесь, потеряв себя в разбушевавшейся стихии?

– Я...

Да зачем объяснения? Их всё равно не хватит, чтобы поведать, почему здравомыслящая девушка стоит на улице в зимний день с закрытыми глазами.

– О Стейнере думала.

– Тебе дома нужно быть, – проворчал дядя. – Если тебя

увидят...

– Что с того? Что они сделают, Вернер? Обвинят, что на мне колдовская метка? Как будто мне и раньше этого не говорили. Вот только расплывается Стейнер. За *мою* судьбу.

– Не болтай на улице! – гаркнул Вернер, скривив рот. – Его не убьют.

– Да какое теперь это имеет значение, – возмутилась Хьелль. – Этого вообще не должно было случиться! И не думай, что я не догадалась о вашем фокусе с молоком!

– Хьелль, прости. Мы переживали за тебя. Боялись, что Зоркие и тебя заберут, или ты сделаешь глупость...

– Какую? Правду расскажу?

– Так лучше, Хьелль. Забери они тебя, неизвестно, чем всё аукнется. Колдовство требует жертв.

– Лучше? Это, по-твоему, лучше? Я осталась с тенью человека, который когда-то был мне отцом, и дядей, назвавшим себя убийцей.

Вернер помрачнел и подошёл ближе, бросая через плечо настороженные взгляды. Улица оставалась пустой.

– Может, всему городу расскажешь? Или песнь сочинишь и споёшь?

– Хорошая мысль! – съязвила Хьелльрунн.

– Отец всё бы тебе рассказал. Всему своё время.

– Я не знаю отца. Как и тебя. Единственный человек, кого я действительно знала – Стейнер. А теперь его нет. – Девушка плотнее закуталась в шаль, уклоняясь от ледяного ветра,

гонимого с пустынных улиц Циндерфела. – Вернер, которого я знала, никогда бы не причинил человеку вреда, и уж тем более – не убил.

– Хьелль, я не... – Вернер покачал головой и отвернулся. – Куда ты пойдёшь? – спросил он, когда ветер утих.

– Не знаю. Куда-нибудь. – Хьелльрунн указала на дом перед ними. – Куда угодно, но только не туда.

* * *

У Хьелль не было желания бродить по улицам Циндерфела. Стейнер любил город вместе с его приземистыми домами и соломенными крышами. Ему для счастья многого не требовалось – пройтись по мощёной дороге и потратить пару монет в таверне. Хьелльрунн смахнула слёзы.

– Почему я не пошла за ними? Почему не рассказала? Почему позволила его забрать? – Вопросы вскачь неслись в голове. – Какой же я трус, – ругала себя Хьелль.

Ветер подхватил её слова и понёс за собой, привлекая внимание рыбака. Мужчина насторожился, и Хьелль ответила хмурым взглядом.

– Не бойся, дурень, я не стану обращать тебя в жабу, – крикнула она, но сразу пожалела.

Рыбак отвернулся и поспешил в город. Без сомнения, в Циндерфеле только и болтали о сыне кузнеца, ведь горожане ждали, что Испытания провалит чудная Хьелль. Никак они

не думали, что скверна обрушилась на Стейнера – сильного, покорного парня. На парня, который мечтал ковать железо, не умел читать и не понимал чисел.

Шаги её стали длиннее, быстрее. Тёмные удушливые облака низко повисли в небе. Мостовая уступила дорогу плотно утрамбованной земле; дома сменились живыми изгородями и болезненными вечнозелёными растениями. Хьелльрунн не намеревалась направляться на север, и ветер предостерегал её с каждым шагом. Порывы здесь стихли, однако промозглый холод никуда не исчез. Хьелль вздрогнула и плотнее закуталась в шаль, радуясь, что наконец-то добралась до опушки леса.

– Привет, друзья, – прошептала девушка. – Как же вы нужны мне сегодня...

Но деревья не шептали в ответ; голые дубовые ветви не приветствовали, и тёмные сосны безмолвствовали. Пропал восторженный летний шелест. Исчезли звуки жизни, пение птиц и стук дятлов. Земля превратилось в море из увядших листьев. Обилие папоротников, таких ярких и зелёных летом, обернулось неприметной коричневой гнилью. Совсем скоро припадут они к земле, что взрастила их.

– Вот бы закопаться под листву и проспать до весны. Ни с кем не говорить и никого не видеть... Разлучиться с Циндерфелом, Нордвластом и Империей.

Хьелльрунн прикоснулась пальцами к грубой дубовой коре. Дерево стало сигналом: неподалеку была любимая поля-

на, где ландшафт отличался от привычного, однако она ушла от города слишком далеко.

– Не сегодня, не сегодня... – прошептала Хьелль, заходя всё дальше в чащу.

Марек велел не заходить далеко от дома, однако возвращаться обратно желания не было. Холодными пальцами Хьелльрунн схватила корягу – не с пустыми же руками уходить. Отец в своём горе, может, и не заметит отсутствие дров, однако камин чем-то следовало топить.

Потерянная в мыслях, Хьелльрунн заходила всё глубже и глубже в лес, собирая хворост, ежели вспоминала. И тут на пути явилось ничем не примечательный пастуший домик – одноэтажное строение с соломенной крышей и коротким дымоходом, столь привычными для Циндерфела. Одна стена и часть обветшалой кровли поросли густым мхом. Невзирая на закрытые окна, дверь оказалась приоткрыта – хотя с первого взгляда щель и не заметишь.

– Ничего не случится, если гляну разок, – убеждала себя Хьелльрунн.

Перед дверью стоял широкий изрубленный пенёк, потемневший от дождя и мха. Отец упоминал о хижине лесоруба, но Хьелль никогда не думала, где та могла стоять.

Ведомая любопытством она подошла ближе. Свет не пробивался сквозь щель; золотое мерцание не лилось через ставни. Девушка помедлила, разрываясь между тремя ощущениями: уязвимостью одинокого путника в столь пустынном ме-

сте; холодом ветра, что настиг её даже в глубине леса; и тревогой – ей чудилось, что за ней наблюдали.

– Мне не страшно, – прошептала она. – Я не стану вздрагивать при малейшем шорохе, – старалась успокоить себя Хьелль.

Хруст ветки напугал так сильно, что она поскользнулась и упала среди мёртвых листьев, разбросав вокруг хворост. Как только девушка оправилась от падения, как вдруг над головой закаркали две вороны.

– Что ж вы меня не предупредили? – Хьелльрунн хмуро глянула на птиц.

Первая спрятала голову под крыло, а другая приподняла хвост, распушила перья и выпустила струю водянистого помёта.

– Где же манеры? – Хьелльрунн отвернулась от ворон и бросила взгляд на хижину.

Теперь, после пережитого испуга, домик уже не казался страшным. Она потянулась к двери, но вороны вновь закаркали. Хьелльрунн застыла; осторожный взгляд через плечо подтвердил, что шумные птицы взволнованы: они махали крыльями и сустились, пока одна не сбила другую с жерди. Хьелль ухмыльнулась.

Будь на моём месте Стейнер, его бы не остановили две горластые, дряхлые вороны.

Одна из птиц не сводила пристального взгляда с девушки, другая тем временем обиженно хлопала по земле крыльями.

Замёрзшими пальцами Хьелль приоткрыла дверь во мрак. Она осталась в дверях, не желая переступить порог. Быть может, скудный дневной свет раскроет тайну заброшенного жилища? Ни единого шороха в темноте не было слышно, и любопытство ещё ярче разгорелось в сердце. Хьелльрунн приблизилась к очагу, протянула руки к пеплу и ощутила ладонями лёгкое тепло. Кто-то здесь был – вероятно, прошлой ночью. На полу образовалась лужа: на железном колышке висел мокрый плащ. В голове возникла живая картина: кто-то бежит через лес поздним вечером, промокший до нитки, отчаянно стараясь найти приют.

Хижина не сильно отличалась от её собственного дома. В центре стоял стол и три стула. На полу, в углах, возле очага в нише – везде кучками лежали листья, а мёртвые папоротники и ветки лишь прибавляли мусора. Хьелльрунн замерла на месте с распахнутыми от страха глазами: неожиданно-негаданно послышался шорох, и лёгкий, леденящий душу ветерок проник из-за двери. Тотчас в голове вспыхнул образ мертвеца – старого лесоруба, что защищает любимый дом. Листья в нише продолжали шелестеть. Хьелльрунн направилась к двери, но путь преградила лисица. Она глядела заспанными глазами, приюхиваясь к холодным половицам.

– Прости, что разбудила, – вздохнула Хьелль.

Лисица с мерцающей в темноте призрачно-белой шерстью, моргнув, уставилась на девушку.

– Ничего страшного, – раздался из комнаты хриплый, сон-

ный голос.

Сердце неистово забилося, и Хьелльрунн, не раздумывая, бросилась бежать. Больно ударив дверь локтем, она вновь оказалась под серым небом. Слепая паника подгоняла быстрее; ноги поскальзывалась на грязи, а ветви тянули свои пальцы прямо в глаза. Только на другом конце поляны Хьелль остановилась, пытаясь отдышаться, и обернулась к хижине.

Никто не появился – ни живой, ни мёртвый. Никаких прозрачных дровосеков или дремлющих лис. Никто её не преследовал и не выглядывал из дверного проёма с хмурым взглядом. Вороны каркали, будто издеваясь над глупой, испуганной девчонкой.

– Заткните клювы, – проворчала Хьелльрунн, не отрывая взгляда от одинокого строения.

Житель домика не пожелал выходить наружу.

– Вот те на! Напугалась сильнее, чем лисица! – фыркнула Хьелль.

Тишина. Никаких голосов.

Она собрала разбросанные дрова и направилась прочь.

Видать, мне показалось. Плод воображения испуганной девочки, которая бродит в лесу в одиночестве.

Хьелльрунн прекрасно знала, что её воображению повод не нужен.

Когда хижина почти скрылась из виду, Хьелль украдкой бросила взгляд через плечо. Слабый завиток дыма вырвался

из трубы – кто-то разжѐг огонь. Но кто?

11

Стейнер

«Сольминдренской империей правят из столицы. В Хлыстбурге наш доблестный Император испрашивает советов у доверенной свиты. Есть, однако, и другой центр влияния. Архивов остров представляет собой громадную библиотеку, куда Зорких приглашают для размышлений и исследований. Ходят слухи, что Архивов остров – это дом синодских центристов; некое гнездо для тех, кому не по душе прямой подход Императора». Из полевых заметок иерарха Хигира, Зоркого при Имперском Синоде

Стейнера пригнали на пятый этаж здания академии и провели сквозь круглые двери, настолько широкие, что могли пропустить одновременно троих мужчин. Куда бы они ни направились, повсюду встречали послушников, моющих полы или натирающих перила. Мальчики носили заштопанные штаны и сорочки, а девочки – шали, блузки и крестьянские юбки. Всем было не больше десяти-одиннадцати лет. Стейнер вздрагивал от одного только взгляда на босые грязные ноги. Пока мимо вышагивали солдаты, ни один ребёнок не оторвался от работы и не поднял головы. Что это? Послушание или же страх? Интересно, выжил ли Максим после пыт-

ки Ширинова?

Сребротуман всю дорогу молчал. С каждым его шагом в воздух поднималась пыль, сторая в мимолётных вспышках серебристого света и окружая служителя мерцающей дымкой. Ну как не восторгаться столь чудной картиной? От жара его пламени Стейнер вспотел.

– Неужели не больно? – не удержался Стейнер. – Жар, я имею в виду.

Зоркий повернулся, и Стейнер увидел собственное искажённое, глуповатое отражение в серебряной маске Сребротумана.

Привык.

Слова явились из ниоткуда – даже шёпотом не назвать.

Может, показалось? Разве Зоркий говорил?

Приёмная возле кабинета Матриарха-Комиссара представляла собой помещение без окон и убранства. В каждом углу на подставке из красного дерева стоял фонарь с алыми стеклами и символами Империи, отчего стены казались залитыми кровью. У Стейнера пересохло горло, и он невольно сглотнул, а затем сжал кулаки – скорее, чтобы сохранить пальцы в тепле, чем от страха или волнения. Дверь с обеих сторон охраняли имперцы: ноги расставлены, в руках – булавы. Предупреждений от них не дождёшься. Сделал глупость – забили до смерти. Сребротуман собрался уходить, но Стейнер вдруг обратился к нему:

– Это же не настоящее имя – Сребротуман.

Вновь в голове Стейнера вспыхнули слова:

Нет, прозвище. Дети дали много лет назад. Я отрёкся от настоящего имени вместе с прежней жизнью.

– А у других Зорких? У них тоже есть прозвища?

Ширинова называют «Спиноломом», правда, только за глаза. Фельгенхауэр – «Кремнеокая», ну а Хигир...

– Может, «Свеча покойника» или «Мертвосвет», – предположил Стейнер.

Ты не так глуп, как кажешься.

Сребротуман склонил голову.

Жди здесь.

Зоркий в зеркальной маске отошёл, оставив Стейнера в компании четырёх солдат. Ожидание длилось недолго: Матриарх-Комиссар ворвалась в кабинет в сопровождении Ширинова, который старался ковылять быстрее, громко стуча тростью по каменному полу. Хигир остался снаружи в окружении бледно-жёлтых языков пламени.

– Это неслыханно! – возмутился Ширинов, как только Матриарх-Комиссар вошла в кабинет. – Откуда мне было знать, что крестьяне имеют доступ к подобным артефактам?

– Потому что ты – Зоркий! – отчитывала его Фельгенхауэр. – Предполагается, что ты будешь зреть в оба! Аура, которую излучает зачарованный предмет, отличается от колдовской метки!

Женщина захлопнула дверь, оставив Стейнера в приёмной с четырьмя солдатами и Хигиром. Закрытая дверь не

имела значения: гневный голос иерарха отчётливо доносился сквозь толстое дерево, при том что Фельгенхауэр едва было слышно.

Стейнер глянул на солдат, словно покрытых румянцем в свете фонаря. Один лишь Хигир выделялся на фоне бесконечного красного цвета.

– А почему вас не позвали?

– Я не обладаю подобным даром, – ответил иерарх.

– Даром?

– Не вижу колдовскую метку, – объяснил Зоркий. – Я усердно служу Империи, но в деле обнаружения меток бесполезен.

Грустная, изрытая бороздами бронзовая маска склонилась, освещённая призрачным светом пламени.

– Зачем вас отправили в Циндерфел, ежели метку не видите?

– Циндерфел не представлял для меня интереса – были дела в другом месте.

Стейнер догадался, что его отправили расследовать убийство Зорких в Хельвике.

Хигир собирался продолжить, но очередной крик за дверью кабинета вынудил его придержать язык за зубами.

– Бросим его в море! – завопил Ширинов.

Юноша выпрямился, с тревогой глядя на второго иерарха.

– Это *ваша* оплошность, – возразила Матриарх-Комиссар, открывая дверь. – И это *вас* следует выбросить в гавань!

– Что теперь будет? – прошептал Стейнер.

– Времени предостаточно, чтобы решить, – подметил Хигир. – На Владибогдане спешить некуда.

– Долой с моих глаз! – взревела Матриарх-Комиссар.

– Мальчишка ещё доставит хлопот, помяните моё слово!

Ширинов вышел, хромая, стараясь держаться достойно. Приложив руку к рёбрам, куда Стейнер нанёс удар, Зоркий подошёл к нему и так близко склонил улыбчивое серебряное лицо, что юноша отпрянул.

– Это всего лишь неряшливый мальчишка из Циндерфела. Кого волнует, жив он или мёртв?

– Чем ты занимался в Циндерфеле, дитя? – любопытствовала Фельгенхауэр из-за двери.

– Учился на кузнеца.

– Вот и ответ. – Матриарх-Комиссар скрестила руки. – Нам не хватает рабочей силы. Он может работать в кузнице с Энхтуйей.

– Беспрецедентно, – буркнул Зоркий. – Я доложу Верховному Патриарху в Хлыстбурге, и даже друзья на Архивовом острове вам не помогут.

– Делайте, что хотите, Ширинов, – ответила Фельгенхауэр равнодушным тоном. – Это ваш провал, а я разгребаю последствия. И вам, кстати говоря, ещё предстоит с ними столкнуться.

Сутулый иерарх что-то промямлил за улыбающейся маской, а затем побрёл прочь, едва волоча ноги. Хигир его до-

гнал, и они принялись тихо совещаться.

– Мальчик, – тихо позвала Матриарх-Комиссар. – Зайди в кабинет.

Солдаты шагнули вперёд, но рука Фельгенхауэр их остановила.

– Думаю, справиться с ребёнком труда не составит. Без башмаков и молота он не страшен.

Солдаты отступили, но булав не выпустили. Стейнер проскользнул в кабинет, где Матриарх-Комиссар указала на кресло – тяжёлый деревянный каркас, покрытый гладкой кожей. Мальчик опустился на сиденье, и стоило напряжению спастись, волна усталости в один миг дала о себе знать.

Книжные шкафы пестрили аккуратно расставленными томами в кожаных переплётах. Книг здесь оказалось больше, чем в школе в Циндерфеле, хотя у Стейнера они не вызывали особого интереса. Глядя на окружающую обстановку, судить о характере и личных предпочтениях хозяйки не представлялось возможным: доски пола не покрывал ковёр – столь популярный предмет убранства среди людей Сольминдренской империи и Нордвласта; на белёных стенах не висели картины. Центром кабинета являлась сама Матриарх-Комиссар, восседающая в кресле за массивным деревянным столом. Юноша тотчас склонил голову, стараясь укрыться от тяжёлого взгляда.

– Что ж, в эффектности появления тебе не откажешь, Стейнер Эрдаль Вартиаинен. Крестьянин, который прибыл

на остров с *этим*. – Фельгенхауэр подняла башмаки. – Я уже молчу о том, что ты в первый же день напал на Зоркого.

Она с почтением выложила на стол кувалду, как бы поступил отец с законченным изделием. Ничего не осталось от властной женщины, которую он встретил на площади академии.

– Обычно ученики восстают спустя год-другой.

– Ширинов причинил Максиму боль. Кстати о Максиме, он?..

– Жив? – вздохнула Фельгенхауэр. – Пока что жив.

Стейнер значительно расслабился.

– Мне кажется, от тебя будет прок, – заявила Матриарх-Комиссар. – Только глупец убивает полезных людей. Обещаешь приносить пользу?

Стейнер кивнул и сжал подлокотники кресла, дыша быстро и поверхностно.

– Вот и славно. – Фельгенхауэр кивнула и откинулась в кресле. – Я отправлю тебя в самое глубокое, тёмное место Владибогдана. Там Ширинов тебя не найдёт.

– Что там внизу? – спросил Стейнер, зная, что её предложение в любом случае лучше, чем оказаться в ледяном Призрачном море. – Кузница. Работай усердно и останешься жив. Там нельзя давать слабину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.